

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. ТРЕТЬЕ ТЫСЯЧЕЛЕТНЕ

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ

ОСОБЫЙ
КОНТРОЛЬ

МИРОЗДАНИЕ ПО ВАСИЛИЮ

ЭКСМО

Цикл о династии Ромашиных

Василий Головачев

Особый контроль

«ЭКСМО»

1989

Головачев В. В.

Особый контроль / В. В. Головачев — «Эксмо», 1989 — (Цикл о династии Ромашиных)

Когда человечество освоило мгновенную транспортировку материи на любые расстояния – «тайм-фаг», освоение Вселенной стало лишь вопросом времени. Именно тогда на Земле и других планетах начали происходить загадочные катастрофы, стали появляться непонятные артефакты, наличие которых нарушало все законы природы. Ведь могущество человеческого разума и неистощимая жажда познания порой ставят под вопрос само существование нашей Вселенной.

© Головачев В. В., 1989

© Эксмо, 1989

Содержание

Глава 1 ИГРА	5
Глава 2 СЕЗОН «ЗЕРКАЛЬНЫХ ПЕРЕВЕРТЫШЕЙ»	16
Глава 3 ФОРМУЛА	38
Глава 4 ДИЛЕММЫ	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Василий Головачев

Особый контроль

Глава 1 ИГРА

В мягкой фиолетовой полутьме ее лицо словно светилось изнутри розовым светом, и необычным казался его овал в черной волне ощутимо тяжелых волос. Станным было лицо, безжизненным, одно выражение застыло на нем – безнадежность. Может быть, темнота ее глаз скрывала и боль, и слезы, но слова были резкими, жесткими и беспощадно чужими. Жестокие слова, от которых замерло движение в воздухе и повеяло холодом... И Филипп сказал почти равнодушно, чтобы прервать этот разговор, чтобы ей было легче – он еще не понимал до конца, не хотел понимать, что она уходит, – чтобы тяжесть вины – да и была ли она виновата? – легла на двоих:

– Хорошо, не будем больше об этом.

Аларика облегченно вздохнула, вскинула голову и снова опустила, теперь уже виновато. И было в этом движении то, чего больше всего не понимал Филипп, – неуверенность. Непонятный получался разговор: говорила она прямо и энергично, но неуверенными выглядели жесты, неуверенность звучала в ее отрывочной речи.

Молчание заполнило комнату: она не знала, что делать дальше, он пытался понять, почему оказался в таком положении. Почему? Десять лет детской дружбы, множество ссор и примирений с помощью друзей – оба упрямы и горды – и любовь... Любовь ли? Может, не было любви?

– Прости, – сказал он, с трудом шевеля губами. – Я, наверное, от природы инфантилен и не могу понять, что происходит. Объясни мне наконец, это что, так серьезно?

Аларика судорожно кивнула. На слова не хватало сил, а еще она боялась, что решимость ее угаснет совсем и эта агония их любви, которой он не хочет замечать, продлится еще долго, долго...

– Я тебя всегда понимал с трудом, – продолжал Филипп, все еще на что-то надеясь. – Наверное, я слишком медленно взрослею. И все же... вот ведь парадокс – я тебе не верю!

Он подождал несколько секунд, всматриваясь в ее лицо, ставшее вдруг чужим и далеким, и рывком выбросил свое сильное тело из кресла.

– Что ж, прощай. Что еще говорят в таких случаях? Желаю удачи и счастья.

Прошагал до двери, оглянулся, ничего не увидев, и вышел. И только за сомкнувшейся дверью ощутил странную сосущую пустоту, холодную, как ледяной грот, и понял, что это действительно серьезно, серьезней не бывает, и ему до боли в груди захотелось броситься назад, стать на колени и пусть даже не видеть ее, только чувствовать рядом, ощущать ее тепло, дыхание... Но вернуться было уже невозможно, там выросла стена, толстая стена из двух слов: «Люблю другого... Люблю другого! Люблю другого!» Когда она успела? И кто он, покоривший доселе независимый ее характер? Или это всего-навсего слова, проверка чувства?.. Нет, не может быть! Так жестоко шутить она не способна. Значит, на самом деле существует этот третий, замкнувший тривиальный треугольник! И не поможет никто. Никто! Потому что это, наверное, единственный случай, не подвластный даже аварийно-спасательной службе, когда – человек, помоги себе сам!

Кто-то прошел по коридору. Филипп открыл глаза...

Филипп открыл глаза и виновато улыбнулся, все еще пребывая во власти воспоминаний. Рядом с пультом вычислителя стоял Травицкий и смотрел на развернутый объем мыслепро-

ектора, постукивая по груди пухленькими пальчиками. Метровый куб проектора был заткан цветами, и в его глубине, в раствор стационарной ТФ¹-антенны, было вписано лицо Аларики.

– Извините, – пробормотал Филипп, стирая изображение. – Задумался...

Травицкий грустно покивал.

– Я не удивляюсь. Привык. У тебя, кажется, завтра ответственный матч?

– Финал Кубка континентов, – сказал Филипп, не поднимая глаз.

«Зачем я только пришел сюда сегодня, – подумал он, – все равно от меня толку, что от козла молока. У Травицкого и без меня забот хватает. Надо же, размечтался с эмканом на голове! Аларику нарисовал... Почему я вспомнил о ней? Согласно всем нормам психомоделлистов я должен сейчас думать об игре. Или перегорел? Нет, просто запретил себе думать об игре. А на Аларику, выходит, запрета не хватает. Слаб ты еще, Филипп Ромашин, конструктор, спортсмен и так далее...»

– Иди отдыхай, – посоветовал Травицкий. – Эту конструкцию, – он кивнул на пустой объем мыслепроектора, – списываю только за счет твоего волнения. На твоём месте я слетал бы куда-нибудь один, например, в Музей истории. Кстати, у меня к тебе один не совсем обычный вопрос: не замечал ли ты каких-нибудь поразивших тебя явлений?

– Что вы имеете в виду? – озадаченно спросил Филипп.

– Ну... что-нибудь странное, экстраординарное, выходящее за рамки обыденности, ранее не встречающееся...

– По-моему, нет, не встречал. А может, не обращал внимания?

– Так обрати. – Травицкий кивнул, погрузнев еще больше, пожелал удачи и вышел. Маленький, круглый, грустный. Начальник конструкторского бюро, лучший специалист Института ТФ-связи.

Филипп снял с головы корону мыслеуправления, называемую в быту эмканом, постоял у пульта, размышляя о своих отношениях с людьми, которые понимали его больше, чем он сам. Начальник бюро Кирилл Травицкий... человек, сделавший из него конструктора-функционала, никогда не высказывающий недовольства его постоянными увлечениями, капризами... волейболом, наконец. Хотя волейбол не увлечение и не каприз, это жизненно важная потребность, без которой нет смысла в слове «спорт». Как их совместить – работу в институте, требующую постоянных занятий, и большой спорт, требующий полной самоотдачи? Как совместить несовместимое?

– Проблема! – пробормотал Филипп, пряча эмкан в нишу под пультом. – Что хотел сказать Кирилл? Что он подозревал под словами «необычные явления»? Что-то конкретное или это просто очередной тест на внимательность? Странно... А я сегодня и в самом деле заторможен, не сказалось бы это на игре. Надо встряхнуться... как тогда, пять лет назад...

...Шаги смолкли. Филипп открыл глаза, сделал шаг, другой, все быстрее и быстрее пошел прочь от проклятой двери. Идти было мучительно больно, как босиком по битому стеклу, но он прошагал пустым коридором до метро² медцентра Дальнего Востока, где Аларика работала врачом-универсалистом «Скорой помощи», мельком увидел свое отражение в зеркальной плоскости входа, подождал, пока отпустит, и – всем корпусом в дверь!

На станции задерживаться не стал. Прямая линия сообщения с Москвой была занята, и он перенесся на Марс, так велико оказалось желание сбежать из этого вдруг опостылевшего места! Но на второй станции метро Марса Филипп задержался почти на сутки: решение было импульсивным и поэтому бесповоротным. Прямо со станции он ушел в горы, в один из наименее исследованных уголков Страны Огига. Боль сердца требовала выхода, каких-нибудь отчаянных действий, и он в бешеной удали пошел вверх, на гребень уступа Огига, через дикие

¹ ТФ – тайм-фаг – система мгновенной транспортировки материи. (Здесь и далее примеч. авт.)

² Метро – «мгновенный транспорт», возврат термина одного из самых массовых видов транспорта в XX–XXI вв.

скалы и каменные стены, над пропастями и обрывами, ухитряясь проходить там, где спасовали бы и более опытные скалолазы, привыкшие опираться на здравый смысл. Невесомый, как тень, он переносился по едва заметным полкам и карнизам над километровыми каньонами и ущельями горной страны... И – грудью о камни! пальцы в кровь! – беззвучный крик всего тела, всю мощь, и ловкость, и реакцию в едином порыве – на борьбу с камнем, на борьбу с самим собой...

А на совершенно лысой макушке одной из гор Огига он вдруг упал на колени и закричал: – Аларика-а!..

Воздух Марса, воздух, созданный предками столетие назад, отозвался гулким вздохом и долго шумел, как океанский прибой, пока не смолкло эхо... солнце ушло за изломанную черту горизонта, и пришел смарагдовый закат... Назад Филипп спускался шесть часов...

Он очнулся, прошелся по комнате, легонько притрагиваясь пальцами к шершавым голубым стенам, гладким поверхностям аппаратуры, соседних конструкторских комбайнов – сотрудники лаборатории давно закончили работу, и комбайны на время осиротели.

Память... память – единственный мостик, связывающий прошлое с настоящим и будущим. Хрупкий, нематериальный мостик, по которому можно идти только в одну сторону – от прошедшего. Может быть, это и необходимо? Недаром кто-то в древности говорил: «Все будет так, как должно быть, даже если будет иначе». И все же иногда до смертной тоски хочется вернуться назад, со всем своим приобретенным опытом и умением, сделать все по-другому, иначе, лучше и правильней...

Филипп вздохнул, выключил автоматику конструкторского комплекса и обесточил аппаратуру лаборатории. Но не успел он выйти из комнаты, как между ним и дверью сформировалась из воздуха полупрозрачная плоскость, похожая на жидкое стекло. Постояла секунду, подернутая рябью, и скачком превратилась в зеркало. На Филиппа смотрел он сам, оторопевший от неожиданности. Нога затекла, Филипп, опомнившись, отступил на шаг. Его отражение в зеркале послушно повторило жест.

«Шутки Угловского, – подумал Филипп, внезапно успокаиваясь. Леня любит розыгрыши. Это или видеопризрак «динго»³, или наведенная галлюцинация, и в том, и в другом случае я ничем не рискую. Ну погоди, шутник!»

Конструктор смело двинулся прямо на прямоугольник «зеркала», пробил телом неошутимую поверхность (точно, «динго»). Но вышел не к двери, а... в противоположную сторону, к пульту! «Зеркало» странным образом повернуло его обратно! Что за чертовщина!

Филипп еще раз шагнул в зеркальную плоскость... и снова вышел в глубь комнаты! Интересное «динго» получается, с пространственными вывертами. Не на это ли намекал Травицкий?.. Но как он мог предвидеть? Или это его рук дело?.. Чепуха! Кирилл не способен шутить так примитивно...

Упрямство не являлось семейной чертой характера Филиппа, но его разобрало любопытство, и он еще раз шесть настойчиво проверял возможности «зеркала» по «выворачиванию наизнанку». Неошутимая, гладкая на вид поверхность, не имевшая толщины – если посмотреть сбоку, – невозмутимо разворачивала входящего в него на сто восемьдесят градусов. Пробовал Филипп зайти и с другой стороны – с тем же результатом, «перевертыш» действовал одинаково как с фронта, так и с тыла. А когда Филипп собрался начать поиски «шутника», «зеркало» внезапно свернулось в нить, нить собралась в точку – и та исчезла.

Конструктор разочарованно потоптался на месте, потерял интерес к явлению, привел себя в порядок, собрался выходить из комнаты, и вдруг что-то заставило его остановиться. Он посмотрел на окно-стену, за которым сгущались сумерки. Вечер. Часов девять, десятый... Вечер?! Филипп не поверил глазам. Его наручный видео показывал десять минут пятого, в окно только что лился полуденный солнечный свет! Не мог же он так увлечься игрой с «зерка-

³ «Динго» – динамическая голография – генератор голографических изображений, способных двигаться.

лом», чтобы не заметить, как пролетело пять часов! В таком случае был бы неисправен видео, а он работает нормально. Что произошло?

Филипп торопливо запросил службу времени, и женский голос сообщил ему точное время: двадцать один час двенадцать минут сорок секунд!

– Чушь какая-то! – вслух сказал Филипп и подумал: «Если только «зеркало» не обладает свойствами замедлять течение времени... Неужели научились создавать такие «динго»?»

С этой мыслью Филипп наконец-то выбрался из рабочей комнаты, пообещав себе разобраться с этим делом позже.

Вечером следующего дня Филипп, начисто забыв свою встречу с «зеркалом», посадил пинасс⁴ в парке у Центрального спортивного комплекса «Россия», почти в центре Москвы. Многие мировые чемпионаты Земли и встречи сборных команд Солнечной системы по игровым видам спорта проходили в залах и на площадках этого комплекса...

Филипп бегом направился по аллее к служебному входу величественного здания, узнал у автоинформатора шифр помещения, где тренировалась сборная Русских равнин по волейболу, и через три минуты появился в просторной комнате психомассажа.

Потолок комнаты отсутствовал – такой достоверной была иллюзия голубого неба, пол напоминал скользкую поверхность ледяного поля. Низкие, бесформенные с виду кресла походили на клубы облаков.

Его встретили хором шуточных замечаний и упреков. Филипп быстро огляделся, забрался в свободное кресло и вдруг почувствовал, как непроизвольно напряглись мышцы тела и участилось дыхание. Впрочем, обычная «предсмертная лихорадка», или, как испокон веков говорили спортсмены всех рангов, мандраж.

– Точен, как бог времени, – похвалил его Ивар Гладышев, показывая большой палец. – Я поспорил, что ты придешь последним, и выиграл.

– Что наша жизнь – игра! – с притворной смиренностью вздохнул проигравший пари Павлов. – Опаздывает тот, кто не боится вылететь из команды. Поэтому я всегда прихожу раньше на три часа...

Они смеялись, перебрасывались шутками, Филипп тоже смеялся со всеми, что-то рассказывал, но он-то знал, видел, что за всеми этими разговорами и пикировкой у ребят одна мысль – впереди игра! И каждый исподволь готовил себя к главному – к выходу на игровую площадку, и не важно, где ты был до этого, что делал, чем недоволен или, наоборот, от чего счастлив. Все мысли и движения уже подчинялись властному ритму игры, уже отчетливо в ушах становился слышен тугий удар по мячу, уже сердце готовилось работать в великом темпе силовой отдачи... а до начала игры оставалось почти полтора часа.

Солинд появился незаметно. Он стоял и хмуро смотрел на резвящихся спортсменов, покусывая травинку, ждал, пока все уgomонятся. Потом сказал негромко:

– Сейчас там встречаются японцы и сборная Европы. Счет по партиям два – один.

– Японцы? – осведомился Павлов.

– Что японцы? – поинтересовался Солинд.

Все засмеялись.

– Ну, выигрывают?

– Нет.

Наступила тишина. Павлов присвистнул:

– Это как же понимать?

⁴ Здесь и далее названия транспортных средств соответствуют названиям морских судов XV—XVIII вв.

– А вот так. – Солинд вырастил «бутон» кресла и сел к ним лицом. – Европейцы в ударе. Зденек Рослонец простреливает блок чуть ли не под любым углом. Японцы ничего не могут с ним поделаться. И хотя вы у Европы выиграли, сегодня вам пришлось бы туго, друзья мои.

– Почему? – удивился круглолицый Павлов, наивный, как пятилетний карапуз, в перерывах между играми; хитрый и мудрый, как змей Кецалькоатль, во время игры. – Разве мы играли плохо?

Солинд в задумчивости подергал себя за мочку уха.

– Вы играли хорошо, но слишком уверенно. Сегодня так играть вам не дадут. Поняли меня? Ну хорошо. Готовы? Сейчас массаж, потом разминка в полсилы. В стартовой шестерке пойдут Ивар, Виталий, Сергей, Филипп...

Зал был полон, несмотря на то что встречи розыгрыша Кубка континентов по волейболу транслировало Центральное интервидение Земли по всей Системе. У Филиппа вдруг вспотели ладони, и он машинально потер их о майку. Оглядывая передние ряды болельщиков, он неожиданно встретил взгляд девушки, с интересом разглядывающей площадку и игроков. Девушка многим напоминала Аларику... Впрочем, это же она сама! Здесь?! В зале?!

Сердце прыгнуло вниз, волна горячей крови ударила в лицо... Какими судьбами Аларика, всегда относившаяся к волейболу, к спорту вообще с предубеждением, оказалась в зале на соревнованиях? Аларика... тот же нежный овал смуглого тонкого лица, изгиб бровей, четкий рисунок губ...

Филипп смотрел на нее всего несколько мгновений, но этого было достаточно, чтобы воскресить в памяти прошлые встречи. Оказывается, он и в самом деле не властен над резцом сердца, вырубившим на каменной скале памяти образ Аларики...

– Идите сюда, – позвал Солинд, подходя к краю площадки. – Что оглядываешься, Ромашин? Учтите, прошлая жизнь осталась вот за этой чертой. И не спасут вас от поражения ни рост, ни реакция, ни прочие совершенства, если вы не способны отключаться, уразумели?

Филипп покосился на Аларику, разминая кисти рук, словно это было главным делом жизни, подумал: «Кто же это с ней? Муж? И где, слева или справа? Белобрысого я никогда не видел, а второй как будто знаком... Впрочем, какое мне дело до нее и ее внезапного интереса к волейболу?»

– Играете первый вариант, – продолжал тренер, взглядываясь в спокойные и уверенные лица. Он знал своих игроков, наверное, больше, чем они сами; знал их бойцовские качества, физические, психологические и человеческие, знал давно и верил, что для победы они сделают все. Но для этого их надо чуть-чуть разозлить, вернее, расшевелить: самолюбие у классных игроков тоже много значит.

– Помните, что будущие неудачи... – Солинд помолчал и будто нехотя добавил: – не уравновешиваются прошлыми успехами.

Филипп с любопытством посмотрел на тренера. Тот как будто нарочно делал вид, что сомневается в успехе, и в то же время можно было понять, что он вызывает их на спор, поддразнивает. А может быть... может, он и в самом деле сомневается?

Запела сирена, команды построились у лицевых линий площадок.

– Финальная встреча по волейболу на Кубок континентов! – прозвучал в зале голос судьи-информатора. – Встречаются сборные команды Северной Америки и Русских равнин.

– Ну, орлы! – пробормотал Гладышев, когда команды обменялись приветствиями и была разыграна подача. – Наша площадка. Остаемся?

– Остаемся, – быстро сказал Филипп. Аларика сидела напротив площадки.

– В четвертом номере у них Кристо, – заметил Павлов. – Ему нужен как минимум двойной блок и аут-контроль.

– В третьей зоне я возьму его в аут-контроле, – сказал Филипп. – А Паша пусть следит за Иваром в блоке. Первая же передача со второго темпа – на «антенну», полупрострел.

– Не спеши срывать аплодисменты, – сказал мрачноватый Панченко. – Кристо – не Паша, его одним блоком не возьмешь. Во втором номере у них согласующий Рамиро Менендес, вдвоем с Кристо они тебя съедят с майкой.

– Я, конечно, не Кристо, – обиделся Павлов, – но подстрахую в блоке не хуже Рамиро.

Филипп ободряюще хлопнул его по спине и несколько раз высоко подпрыгнул на месте, ощущая необыкновенную легкость во всем теле. Автомат уже включил игровое поле: все игры команд высших классов проходили при силе тяжести, равной ноль девяносто двум сотым земной. Северо Пальме дель Кристо, уроженец Кубы, а также капитан ее сборной команды, играющей в высшей лиге Северной Америки, тоже сделал несколько прыжков и приседаний на своей половине площадки и приветственно помахал рукой. Он выглядел спокойным и улыбочивым, но Филипп отлично знал: в игре Кристо становился неистовым и страстным, как черный ураган. Справиться с ним в блоке было действительно нелегко.

Раздался свисток. Разминка – три минуты. Затем первый сет.

И с первых же секунд у игроков сборной Русских равнин «не пошла» игра. Сначала Павлов, то ли расстроившийся от неосторожной шутки Панченко, то ли по другой причине, неудачно принял мяч, потом Сергей Никитин не довел его до Филиппа, и тот тоже с трудом перебросил мяч через сетку. Американцы – Рамиро, Кристо и Джон Констебл – тут же разыграли комбинацию «рапира», и Кристо со взлета на первом темпе пробил мяч под руки не успевшего с блоком Гладышева.

Один – ноль.

Второй мяч они снова проиграли. И третий. И хотя Филипп в этом виноват не был, он почувствовал смутное недовольство собой, хорошее настроение ушло. С точки зрения организации матча все было сделано безукоризненно: мягкое, рассеянное освещение площадок поляризованным солнечным светом, почти не дающим теней, не раздражало глаз; рельефная сетка ни на миллиметр не была выше стандартных двух метров семидесяти восьми сантиметров, растянутая между невидимыми силовыми столбиками; тугой белый мяч олицетворял мечту любого волейболиста; упругий кситановый пол мгновенно впитывал любую пролитую жидкость... Но все же что-то было не так, какая-то мелочь, регистрируемая пока только подсознанием. Может быть, мешают фасеточные «глаза» киберсудей? Он никогда не замечал их раньше... Что же тогда?

– За спиной со второго! – бросил Филипп согласующему и... пробил в блок.

Солинд, с виду рассеянный и равнодушный, покусывая вечную травинку, подумывал – не взять ли минутный перерыв. Игра у ребят явно не заладилась. А у американцев получалась почти любая комбинация, любой удар. Что же, бывает, но «минуту» брать рано, прежде надо понять, чего им не хватает. Главное, понять самому, ребятам в игре сделать это трудней.

Первый сет они проиграли со счетом пятнадцать – одиннадцать.

Зал шумел. Филипп искоса посмотрел на трибуну. Аларика смеялась, говорила что-то соседу справа, плотному, молчаливому, с лицом длинным и узким, с жестким, в общем-то, лицом, сильным. Лет сорок пять – пятьдесят, прикинул Филипп и вдруг понял, что он все еще думает об Аларике, отвлекается, а ее присутствие и есть та заноза, которая мешает играть так, как он может.

Начало второго сета почти ничем не отличалось от первого.

Здесь Солинд, боясь, что игроки потеряют уверенность окончательно, взял первый перерыв.

– Вы что?! – негромко, но резко спросил он обступивших игроков, потных, разгоряченных и злых. – Сетка высоковата? Или судьи необъективны? Встряхнитесь! Паша, поменяй темп, возьми свою игру, стандарт, ничего не выдумывай. Филипп, ты сядь отдохни, вместо тебя поиграет Игорь. Ивар, только первый вариант, как договаривались, понял? Предложите свою игру, самую простую, ничего больше.

– Замена в команде Русских равнин, – гулко объявил судья-информатор. – Вместо номера четыре, Филиппа Ромашина, в игру вступает номер девять, Игорь Сосновский.

Филипп сел рядом с Солиндом, прополоскал рот и сделал глоток сока. Тренер, присмотревшись к нему, добродушно улыбнулся.

– Что нос повесил? Потенциально ты на голову выше всех в игре, но не играешь в полную силу. Почему?

Филипп иронически покачал головой.

– Ну и способ ты нашел для подбадривания! Выше всех... Кристо, кстати, игрок сборной Земли. И Рамиро, и Сережа Никитин...

– Ну и что? Слушай, что говорят, и отвечай на вопросы. Где твой прыжок? Это первое. Где точность, чутье паса? Это второе. И третье: ты о чем, собственно, думаешь?

Филипп порозовел, исподлобья оглядел ряды зрителей. Аларика смотрела на него, как ему показалось, с веселым презрением, он вспыхнул до корней волос и разозлился. «Черт возьми! Неужто я и в самом деле так «сел»?»

– Валентин, сделай обратную замену.

– Рано, посиди немного.

– Ну я прошу!

Солинд прищуренными глазами ощупал лицо Филиппа.

– Ты мне это брось! Выйдешь в третьем сете. Все!

Солинд выпустил его, злого и жаждущего борьбы, как и обещал, только в начале третьей партии.

Филипп поднял руку и перебежал на площадку, подбадриваемый хлопками игроков по ладони. На трибуны зала он уже не смотрел. Сердце забило сильно и ровно, исчезла скованность, пришло ощущение сказочной удачи, тело стало невесомым и легко управляемым. Он сразу стал видеть игру, мгновения полета мяча растягивались для него в секунды, в течение которых он успевал подготовиться к приему, найти партнера, принять мяч и дать пас кому следует. Сначала он, играя в защите на второй линии, достал «мертвый мяч», посланный Кристо обманным ударом в угол площадки. Зал ответил аплодисментами, но Филипп их не слышал.

– Второй вариант, – сказал он в спину Гладышева. – Второй, Ивар!

Тот отмахнулся было, потом оглянулся на товарища, словно не узнавая, и передал остальным игрокам:

– Попробуем второй, ребята.

Павлов сразу же выдал Филиппу пас на сетку, рассчитанный по второму варианту. Это был невероятно трудный по исполнению нападающий удар, получивший название «удар Солинда» – по имени первого его исполнителя: Филипп взвился в воздух из-за спины согласующего игрока, перевернулся на лету на девяносто градусов, показав противнику левую руку в замахе, тем обманув блок, и с сухим звоном вбил мяч в трехметровую зону у сетки.

Зал зашумел и смолк. И молчал до конца игры, словно болельщики боялись нарушить волшебство игры...

Филипп нападал с любого номера, с задней линии, с центра – согласно смене темпов. Он перепрыгивал блок чуть ли не на локоть, забивая мячи почти вертикально в первую линию площадки американцев, доставал в защите такие мячи, которые лишь теоретически считались доставаемыми. Он блокировал нападающих в труднейшем исполнении аут-контроля – ловящим блоком, угадывая направление удара в четырех случаях из пяти.

Это была игра на вдохновении, она зажгла остальных игроков команды, и те творили чудеса под стать Филиппу, разыгрывая комбинации хладнокровно и уверенно, словно на тренировке. Если играют команды, равные по классу, то именно такая игра, четкая, слаженная, когда партнеры понимают друг друга по жесту, по взгляду, когда все их движения подчиняются неслышному ритму и кажется, что на площадке находится всего один игрок, чье многорукое

тело перекрыло ее, и мяч каждый раз с завидным постоянством натывается на руки, отскакивая с удивительной точностью в одну и ту же точку над сеткой – согласующему игроку. Только такая игра может дать положительный результат. И они, проиграв первые две партии, выиграли остальные три.

Зал еще несколько мгновений немо дивился на освещенные квадраты игрового поля, на обнимавшихся игроков сборной Русских равнин, и потом словно шторм обрушился на Дворец спорта.

Филипп пожал горячую ладонь Гладышева, ответил на объятия друзей, потом его дружно оторвали от пола и несколько раз подкинули в воздух. А он, оглушенный поздравлениями, чувствуя в теле приятную тяжесть, посмотрел на второй ряд трибуны, поискал глазами Аларику, не нашел, и радость и удовлетворение его вдруг померкли, уступив место тоскливому ожесточению.

«Расклеился от одного взгляда совершенно посторонней женщины! Чего ради я так разнервничался? Неужели остался какой-то след? И под слоем пепла дремлют угли догоревшего костра, как говорил поэт? Старая сказка... Я отрезал Аларику раз и навсегда, у нас две разные жизни. Что я знаю о ней? Она не одна, вот и все. И все! Хватит об этом... Я играл, кажется, неплохо. До стрессовой отдачи, до сих пор ноги ватные...»

В коридоре Филиппа догнал Солинд, несколько шагов прошел рядом молча, потом сказал с неожиданной грустью:

– Ты играл сильно, Филипп! Я не знаю второго такого игрока ни в одной сборной Системы. А ведь ты способен на большее, я-то вижу.

Филипп сжал зубы.

– Но?.. Я отчетливо слышу «но».

Солинд остановился.

– Никакого «но» нет, просто... не забывай, что победы делают нас счастливее, а поражения – человечнее. Древний тезис, но он и сейчас не устарел. – Тренер легонько подтолкнул Филиппа в спину. – Ты поймешь это позже. Ну, иди, потом поговорим.

Филипп не разобрался до конца в смысле намеков тренера, лишь гораздо позже он вспомнил это странное напутствие и понял его настоящий смысл. Теперь же он только кивнул и свернул в раздевалку. А у дверей все еще улыбающийся Гладышев подвел к нему троих.

– Это к тебе.

Рослый длиннолицый мужчина в куртке «ночь» и черных брюках блеснул цепкими глазами, бросил коротко:

– Простите, – и протянул сильную руку. – Май Ребров.

Филипп только теперь узнал его – это был тренер сборной Земли по волейболу. И рядом – Аларика! Неужели он – ее муж?! Или мужем является второй ее спутник?

Ошеломление прошло не сразу, и Филипп еще раз пережил мгновенное чувство утраты и зависти к незнакомым людям, знавшим Аларику, вероятно, ближе, и ему снова показалось, что не было между ними пяти лет времени и пространства, а был только странный сон, и стоит лишь тряхнуть головой – и Аларика засмеется и протянет руки...

Он уловил насмешливые искры в ее глазах, очнулся и назвал себя.

– Аларика, – подала руку девушка, тонко уловив его колебания. Молодой спутник Реброва, на голову ниже его, только слегка наклонил светловолосую голову:

– Леон.

Ребров взял Филиппа под локоть и отвел в сторону.

– Много говорить не буду, вы, наверное, уже догадываетесь, по какому поводу я пришел. Я знаю вас уже два года... да-да, не удивляйтесь, два года. Солинд мой друг, и потому я знаю все об игроках сборной Русских равнин. Начинать вы...

– В «Буревестнике».

– Да, в «Буревестнике», потом вторая молодежная сборная континента, потом первая... Вы спортсмен настроения. Это плохо, это большой недостаток для спортсмена экстра-класса, каковым вы, несомненно, являетесь. И несмотря на этот недостаток, я приглашаю вас в сборную Земли. Во-первых, потому что, когда пик формы совпадает у вас с пиком настроения, вы способны на великолепную отдачу. Во-вторых, верю – вдвоем мы сможем устранить ваш недостаток. Конечно, мое мнение еще не есть решение Земного спорткомитета, но и оно достаточно веско. У вас будет неделя отдыха, во вторник следующей недели прошу на тренировку.

– Но Валентин... – начал Филипп.

Ребров усмехнулся.

– Солинда беру на себя. Он вырастил не одного выдающегося спортсмена, и это во всех отношениях были люди с большой буквы. Я верю в вас, иначе не было бы этого разговора. От вас зависит превратить мою веру в уверенность. Ну, до связи.

Ребров дружески стиснул плечо Филиппа, подмигнул и широким шагом вынес свое крепкое тело из теснины коридора. Филипп, опустив голову, постоял с минуту в задумчивости и не заметил, что Аларика оглянулась на повороте и окинула его не менее задумчивым взглядом.

Сзади слышались голоса, шаги – возвращались игроки, и он поспешил к своим.

– Я рад, что «прошел» Реброва, – сказал Гладышев, искоса посматривая на задумчивое лицо Филиппа.

Они стояли на верхней смотровой площадке спортивного комплекса, шпиль которого возносился на шестьсот метров над уровнем зеленого океана – над панорамой Москвы двадцать третьего века. Зеленые волны рощ, парков и заповедников не могли скрыть белых шатров, плоскостей и полированного пластика зданий, но с высоты бросалась в глаза сочная рассыпчатая зелень лесного массива. И лишь потом в этой зелени начинали сверкать жемчужины зданий.

«С решением проблемы транспорта исчезла и проблема городов», – вспомнил Филипп чью-то фразу, не слушая товарища. Посмотрел на недалекий тонкий силуэт Останкинской башни – Музея телевидения двадцать первого века – и повернулся к Ивару.

– Мне почему-то жаль Солинда. Конечно, мы не уходим от него навсегда, но все же словно теряется что-то в душе...

– Ребров очень похож на Валентина.

– Разве? По-моему, они совсем разные. Солинд сухой, жесткий и шершавый, как ветер пустыни, а Ребров холоден и тверд, как северный камень.

– О, заговорил, как поэт. Они разнятся только внешне. У обоих одна общая черта, которая сближает их больше, чем сблизили бы родственные узы. Это их твердая уверенность в том, что доминанта человека – доброта. Именно поэтому они так требовательны к себе и другим.

У Гладышева пискнул зуммер личного видео. Он повернул руку браслетом вверх, из прозрачно-фиолетового глаза на черном квадратике приемника изображений возник тонкий лучик света, развернулся в плоскость и приобрел цвет и глубину. На друзей смотрело лицо жены Ивара.

– Я уже давно освободилась, Ив, – сказала она сердито. – Игру твою не видела, можешь хвастаться как тебе вздумается, но дома!

Гладышев виновато покосился на товарища.

– Я с Филиппом, Кира, буду через полчаса... ты к нам, Филипп?

– Нет, – покачал головой Филипп. – Я к себе, надо кое-что обдумать до завтра.

– Надумаешь – будем рады, – сказала Кира, шутливо погрозила мужу пальцем. Изображение растаяло.

– Я пошел? – сказал Гладышев. – Счастливо. Прилетай, если захочешь, мы ждем гостей, а ты был у нас всего два раза, это мало.

Он улыбнулся своей обычной доброй улыбкой и стал спускаться к лифту. Филипп остался стоять, рассеянно вертя в руках браслет своего видео. Потом вдруг сорвался с места:

– Ивар, подожди.

Они снова сошлись.

– Забыл спросить... Ты знаком с... ну, в общем, с Аларикой?

– Я знаком с двумя Алариками.

– С той, что была с Ребровым.

– А-а-а. – Гладышев лукаво прищурился. – Аларика Консолата. Это жена брата Реброва. Кстати, я удивлен ее присутствием на матче, насколько я знаю, она терпеть не может волейбола.

«Я тоже знаю», – подумал Филипп, но промолчал.

– Ее телекса я не знаю, – продолжал Гладышев, – но его знает, должно быть, Ребров. Дать тебе его телекс?

– Какой ты догадливый, – пробормотал Филипп. – А почему у нее фамилия другая, не Реброва?

– Сергей Ребров погиб два года назад при ликвидации аварии на подводной ферме. Консолата – девичья фамилия, она ее не меняла.

Филипп непонимающе уставился на Гладышева.

– Погиб?! Ребров погиб? Муж Аларики... Значит, сейчас она одна?

– Ну, этого я не знаю. Что, задело? Позвони ей. – Ивар засмеялся и помахал рукой. – Могу при случае познакомить. Ладно, до связи. Да, телекс Реброва: три единицы сорок семь тринадцать эс-бэ. Он живет где-то на Курилах, точного адреса, увы, не скажу.

Филипп постоял с минуту, шурясь на солнце, вздохнул глубоко, записал телекс на видео и тоже поспешил к лифту.

Поздним вечером он выключил в комнате освещение, походил из угла в угол в полной темноте, потом убрал стену и стал смотреть на бархатное одеяло неба, вспоминая однажды прочитанные строки:

В ночи небесную стреху
Термиты тьмы проели.
И видно звездную труху,
Что сыплется сквозь щели⁵.

Вспомнился вдруг разговор с тренером, тогда он был еще во второй сборной Русских равнин.

«Ты прекрасный конструктор, я слышал это от Травицкого, – сказал Солинд. – Но ты еще более способный волейболист. Я далек от того, чтобы считать волейбол венцом спорта, как и Кирилл Травицкий от того, чтобы считать работу конструктора ТФ-аппаратуры вершиной творческой работы, но когда-нибудь тебе придется выбирать...»

– Выбирать, – вслух повторил Филипп.

Он не хотел выбирать. Хотел быть и конструктором, и игроком, спортсменом высшего класса, и не видел причин бросать то или другое занятие. Да, современный волейбол требовал таких нагрузок и отбирал столько времени, что многие из игроков могли заниматься только спортом, и ничем иным; творческим, ищущим, но спортом. А Филиппа брала тоска, если он три дня кряду не надевал на голову эмкан и не «бросался» очертя голову в глубину очередной проблемы, испытывая при этом необъяснимое удовлетворение, снимающее любую физическую усталость и боль.

⁵ Мурари (перев. с санскрита).

Выбирать... нет, это время еще не пришло, и дай Бог, чтобы оно не пришло совсем. С другой стороны, Филипп понимал, что будь Травицкий или Солинд понастойчивей, то выбор мог бы уже состояться, причем не в пользу предлагающего.

Филипп некоторое время любовался небом, вспоминал «самостоятельный» визит «зеркала» (чья же это все-таки шутка? Кажется, в глубоком детстве он уже встречал такую шутку, но тогда она не казалась таинственной – зеркало и есть зеркало, что в нем необычного для ребенка?), потом сел перед панелью домашнего координатора. Над фиолетовым глазом виома встала световая нить, развернулась в плоскость и приобрела глубину. Напротив возникла другая комната, почти такая же, как и у Филиппа: одна стена в ячейх кристаллобиблиотеки, у второй – стол, два кресла, из третьей выросла кровать, четвертая – сплошное окно в начинающееся утро.

Прямо перед Филиппом сидел Май Ребров и выжидательно смотрел на него, ничем не выражая своего удивления или нетерпения. Филипп почувствовал, что краснеет.

– Доброе утро.

– Добрый вечер.

– Извините, что беспокою... я, собственно...

– Хотите поделиться мыслями о прошедшем первенстве?

– Да... н-нет! Дайте мне, пожалуйста, телекс Аларики, – бухнул Филипп напрямик.

Ребров продиктовал номер и снова посмотрел на молодого человека, все такой же ровный и спокойный, с плавными и точными движениями игрока в волейбол.

– Все?

Филипп кивнул, и тотчас же виом стал белым как молоко, Ребров выключил канал связи со своей стороны.

– Ф-фу! – выдохнул Филипп и с облегчением засмеялся. – Кремень, а не человек! Ничем его не удивишь. Но и я нахал! Для чего мне ее телекс? Что я ей скажу? Рика, привет, как дела? Не забыла, как мы с тобой?.. Тьфу! Что бы она ответила на мой вопрос? Пять лет – и ни голоса ее, ни изображения, только все реже, и реже, и злее – вскрики воспоминаний в сумбурных снах под утро, когда явь путается с бредом и тянет душу не заживший в подсознании шрам на памяти... Как отрезал! И уже два года она без мужа!.. Черт! Мне-то что за дело? Все было выяснено пять лет назад, срок достаточный, чтобы излечить любого. Но отчего вдруг барометр настроения повернул стрелку на деление «Ожидание»? Отчего так нестерпимо хочется увидеть ее, поговорить?..

Филипп поскреб щеку и набрал телекс Станислава Томаха. Это был единственный человек, с которым он мог позволить себе быть таким, какой он есть в собственных глазах, с которым можно было поделиться горем, радостью, сомнениями или тревогой.

Глава 2 СЕЗОН «ЗЕРКАЛЬНЫХ ПЕРЕВЕРТЫШЕЙ»

В три часа ночи Богданов встал из-за пульта вычислителя, снял с головы эмкан и кивнул Станиславу Томаху, сидевшему рядом в одних шортах.

– Порядок. Причина ошибки во втором ряду комплексного переменного. Рагимантас надеялся на свой гений математика, и... даже автомат не успел бы пройти все этапы решения задачи за то время, что оставалось у него до взрыва.

– Я рад и не рад, – хрипло ответил Станислав, вставая и потягиваясь мускулистым атлетическим торсом. – Жаль, что так случилось, и хорошо, что бремя вины не ложится на работников управления. Скверно, если аварии случаются вопреки всем принятым мерам, но уж совсем плохо, когда они случаются по вине спасателя. Может быть, поспим здесь? Все равно до утра времени кот наплакал...

– Нет. – Богданов накинул рубашку. – Жена будет волноваться. Я обещал, что буду сегодня... то есть вчера вечером уже.

– Тогда и я пойду.

Станислав запросил диспетчера вычислительного центра, сообщил, что машина освободилась, и не успел выключить виом, как изображение в нем сменилось: открылась темная комната, внутри которой угадывалась раскрытая постель, а в светлом конусе передачи стоял хорошо сложенный молодой человек. Лицо у него было открытое, слегка скуластое, глаза дерзкие, карие, губы большие, но твердые. Портила это лицо только нерешительная полуулыбка.

– Простите, что так поздно, – быстро сказал молодой человек: это был Филипп. – Не помешал? Я искал Станислава, и мне дали этот телекс.

– Знакомьтесь, – повернулся Томах к Богданову. – Это Филипп Ромашин – конструктор ТФ-аппаратуры. Я говорил тебе о нем.

– Никита, – назвалс Богданов, разглядывая Филиппа, подумал: красивый юноша, однако чего-то ему недостает... уверенности, что ли? – Собственно, я удаляюсь, – продолжал он, надевая куртку и собираясь уходить, – а вы поговорите. В восемь ко мне, Слава.

– Если проснусь, – отозвался Томах. – Ну, что нового, Филипп? Что-то в последнее время я тебя редко вижу. Где пропадаешь? Ты, кажется, должен был играть за Континентальный кубок? Прости, не смог тебе позвонить...

Дальнейшего разговора Богданов не слышал. Выйдя из вычислительного центра, он вызвал пинасс и, чувствуя усталость во всем теле, сделал несколько упражнений дыхательного йога-тренинга. Усталость отступила.

Свет в парке был выключен, громада центра едва угадывалась на фоне ночного неба, но Богданов знал, как обманчива эта наружная спокойная неподвижность огромного здания, постоянно включенного в непрерывное тревожное бдение аварийно-спасательной службы, связанного неизмеримой сетью с десятками станций, баз и патрулей УАСС⁶, с отделами одной из обширнейших – увы, но это так – служб человечества. Тем не менее миллиарды людей спокойны в своих поисках, стремлениях, экспериментах, рискованных действиях именно потому, что УАСС – действенная, оперативная и всюду успевающая служба, работа которой видна не всегда и не всем, но результативность не требует доказательств. Сколько же их, всматривающихся в черноту эмканов, глубь виомов, зелень индикаторов на пультах, мчащихся в патрульных машинах над Землей, в пространстве, у всех освоенных планет? Сколько их, близких по мысли и сердцу людей?

Богданов запрокинул голову, окидывая взглядом серебристую вуаль Млечного Пути, пробормотал:

⁶ УАСС – Управление аварийно-спасательной службы.

– Легион!..

Подошел пинасс, мигнул зрачком индикатора, открывая колпак. Богданов сел, тут же запищал зуммер видео на руке. Над браслетом встало облачко света и превратилось в тяжелую голову Керри Йоса, начальника отдела безопасности Управления аварийно-спасательной службы. Богданов машинально отметил время – без десяти три ночи, перевел его на средне-солнечное. Получилось без десяти пять по ССВ. Не одному Станиславу звонят посреди ночи, мелькнула мысль.

– Не спишь? – осведомился Йос скрипучим голосом. – Что-то я тебя плохо вижу. Где ты?

– Только что закончил со Славой цикл расчетов по аварии на сто третьем спутнике. Ты был прав – Рагимантас сделал ошибку, не дав сигнал на СПАС⁷. Ближайший оперативный когт мог успеть, но...

– Я говорил.

– А мы проверили. Я сейчас выбрался из ВЦ⁸, в парке нет света. Что случилось?

– Жми в управление, сколько тебе надо времени?

– Минут двадцать пять, если срочно.

– У нас не бывает не срочно. Даю тебе сорок минут. Кстати, у тебя нет знакомого специалиста по ТФ-связи?

– Нет... впрочем, погоди. – Богданов вспомнил недавнее знакомство с Филиппом Ромашиним. – Есть один специалист, конструктор ТФ-аппаратуры.

– Годится. Хватай его, где бы он ни был, и тащи в управление. Все.

Виом погас. Богданов немного посидел, чувствуя холодок тревоги, заползающий в сердце, потом вызвал сто семнадцатую комнату вычислительного центра, откуда только что вышел. К счастью, Станислав еще был там.

– Слава, тут такое дело: вызывает Керри, а что случилось, не говорит. Вероятно, что-то серьезное, иначе он не стал бы нас тревожить ночью. Еще ему нужен специалист по ТФ-связи. Твой Филипп хороший инженер?

– Он инженер-синектор⁹.

Богданов уважительно прищелкнул языком.

– Неплохо! Охарактеризуй его вкратце.

– Тридцать один год, мастер спорта по волейболу, холост. Родители погибли во время первой разведывательно-контактерской экспедиции на Орилоух. Вот и все, если коротко. Могу добавить, что я его знаю с детства, жили в одном доме.

– Неплохо, – повторил Богданов. – Вызывай его немедленно, только не пугай. Где он живет?

– Живет-то он недалеко, в Басове, восьмой круг Москвы, минут десять лета до ближайшего метро, но неужели Керри не нашел специалистов в техническом секторе?

– Не знаю, значит, не нашел. Дай координаты управления твоему Филиппу и добирайся туда сам, сроку у тебя сорок минут, а я на минуту заскочу домой, предупрежу жену. Чует мое сердце, что освобожусь не скоро.

Богданов закрыл колпак, вскрыл запломбированную крышку спидометра ключом, имеющимся только у работников аварийно-спасательной службы, и отключил ограничитель скорости. Пинасс задрал нос и со свистом пошел в небо. А в следующее мгновение Богданов увидел летящий навстречу, прямо ему в лоб, такой же каплевидный аппарат с алой мигалкой. Он

⁷ СПАС – станция приема аварийных сигналов.

⁸ ВЦ – вычислительный центр.

⁹ Синектор – специалист, владеющий «механизмами творчества». От слова «синектика» – сложение разнородных элементов в творчестве. Синекторы используют четыре вида аналогий: прямые аналогии типа «паутина – мост»; функциональные – «кабель – лазерный луч»; фантастические типа «принцип работы – передача устройств потоком информации»; личностные аналогии, эмпатии.

успел врубить экстренное торможение (Какого лешего?! Ненормальный он, что ли, встречный киб-водитель?!) и растопырился в кресле, упираясь ногами в переднюю стенку, ожидая страшного лобового удара. Но ничего не произошло! Шедшая навстречу машина врезалась в пинасс неощутимо, как призрак, и растаяла, будто ее и не было. Зато богдановский пинасс оказался почему-то развернутым носом к парку.

– Что это было? – спросил Богданов у киб-водителя, вытирая вспотевший лоб. – Почему ты не затормозил?

– Не было приказа.

– А движущийся навстречу аппарат – не приказ?!

– Пространство впереди было свободно на глубину радарной видимости.

– Как это свободно?! А этот... «призрак»?

– Мы пересекли слой воздуха, отражающий все предметы, как зеркало. Шедший на нас аппарат был моим отражением.

Богданов посидел с минуту, растирая ушибленное колено, и скомандовал поворот. «Чертовщина какая-то, – подумал он уже спокойно. – Или я плохо знаю физику атмосферы? Что-то не припомню, чтобы кто-то описывал явления «зеркального воздушного слоя». Придется запросить информаций физиков, некомпетентность для безопасника недопустима...»

Богданов еще больше бы удивился, если бы узнал, что его часы с этого момента стали отставать от эталонов точного времени на пятьдесят минут.

Сопровождаемый Томахом, продолжая недоумевать по поводу неожиданного вызова, Филипп шагнул в дверь и остановился. Кабинет начальника отдела безопасности УАСС представлял собой в данную минуту поляну в глубине тропического леса. Сложно и сильно пахло зеленью, тиной, цветами и еще чем-то терпким и незнакомым, но дышалось легко и свободно, совсем не так, как в настоящем тропическом лесу.

Томах смело двинулся через всю «поляну» к группе людей, обступивших какой-то прозрачно-хрустальный шар. Филипп не решился идти за ним, хотя все это тропическое великолепие было иллюзией, созданной аппаратурой видеопласта.

Один из стоящих у шара обернулся, тотчас же лес вокруг исчез, а за ним и половина людей, из которых остались трое; появилась обстановка кабинета: гнутые янтарные стены, с искрами в глубине, висящий над черной бездной пола пульт видеоселектора, прозрачный шар с роем золотых пчел внутри, семь кресел у стола.

– Проходите, – сказал хозяин кабинета, на виске которого иногда словно сам собой шевелился розоватый, едва заметный косой шрам.

Филипп, испытывая неловкость, прошел вслед за Томахом и сел рядом. Пока Керри Йос разговаривал с кем-то по виому, он исподволь осмотрел кабинет, шар, гадая, что это за устройство, и, осваиваясь со своим новым положением, стал изучать руководителя одного из самых легендарных отделов Управления аварийно-спасательной службы.

Керри Йос среди других ничем особым не выделялся – таково было первое впечатление. Невысокий, с плечами разной высоты; лицо тяжелое, с массивным подбородком, близко посаженными не то серыми, не то карими глазами; нос картошкой, прямые губы. «Красавцем его не назовешь, и кого-то он мне напоминает...» – подумал Филипп.

Станислав, очевидно, понял его состояние, хмыкнул, наклонился к уху соседа, которого Филипп видел впервые. Тот еле заметно улыбнулся и неожиданно подмигнул Филиппу, отчего конструктор снова почувствовал себя не в своей тарелке: как-никак в отдел безопасности его приглашали в первый раз.

Керри Йос закончил разговор и выжидательно посмотрел на присутствующих.

– А где Никита? Слава, разве он был не с тобой?

– Он ушел раньше, потом позвонил из кабины такси. Собирался на минуту заскочить домой...

– Понятно, подождем минуту. А пока давайте знакомиться. Меня зовут Керри, я начальник отдела безопасности.

– Это Филипп Ромашин, – представил Филипп Томах. – С ним мы знакомы давно, практически с детства.

– Тектуманидзе, – представился улыбочивый сосед Томаха, судя по загару и чертам лица – грузин.

– Бассард, – коротко представился четвертый незнакомец.

– Филипп – конструктор ТФ-аппаратуры и мастер спорта по волейболу планетарного класса, – добавил Томах.

– Неплохо, – с уважением сказал Керри Йос, – весьма неплохо. У нас будет время познакомиться поближе. Где же все-таки Никита? – Он наклонился к столу и вытащил из него «бутон» микрофона. – Андр, созвонись с Богдановым...

– Не надо, – раздался с порога голос заместителя начальника отдела. – Товарищи, со мной произошла любопытная история. – Никита прошел к столу.

Теперь Филипп мог разглядеть его лучше, чем давеча во время знакомства. Замначальника отдела был худощав, среднего роста, с неторопливыми движениями, полной уравновешенностью мимики и жестов и с пронзительными глазами ясновидца. И голос у него был глубокий и хорошо поставленный.

Богданов закончил рассказ о «столкновении» с «зеркалом», и Филипп тут же вспомнил свое недавнее приключение. Но рассказать об этом постеснялся.

– Все ясно, – сказал Керри Йос, – и не такое бывает с безопасниками ночью. Но я не понял, почему ты задержался.

– Как задержался? – удивился Богданов. – Я был в пути всего двадцать минут, причем включая крюк домой.

– Да? – в свою очередь удивился начальник отдела. – А где ты был еще пятьдесят минут?

– Пятьдесят минут? – Никита поднял руку с браслетом видео, вызвал отсчет времени и показал присутствующим. – Путаете вы что-то, друзья, вот, пожалуйста, двенадцать минут четвертого.

Керри Йос включил командный отсчет, киб-секретарь сообщил:

– Поясное время четыре часа две минуты сорок секунд.

Богданов побледнел.

– Чепуха какая-то!

– И я так думаю, – сухо сказал Йос. – Если это неизвестное науке явление, то его назовут твоим именем. Найдешь причину задержки – доложишь. Это действительно странно. Но к делу. Вызывал я вас вот по какой причине: три дня назад к системе звезды Садальмелек был послан транспорт с грузом. На финише транспорт не появился.

В комнате стало совсем тихо.

– Второй случай, – тихо обронил взявший себя в руки Богданов.

– Верно, второй, но главное – оба произошли в диаметрально противоположных точках пространства. Вы помните первый случай – не прошел ТФ-посыл к гамме Суинберна. Средний радиус стационарной ТФ-связи пятьдесят парсеков. До Садальмелека – сто десять. Первая и вторая промежуточные станции просигнализировали, что груз прошел нормально, но на финише не появился. То же было и в случае посылы к системе Суинберна: до гаммы Суинберна сто восемьдесят парсеков, все три промежуточных передатчика дали «добро» и... груз к месту назначения не прибыл!

– Может быть, транспортники сорвались с трассы? – спросил Бассард, шевеля косматыми бровями. – Ведь был случай лет пять назад...

– Нет, – покачал головой Филипп. – В результате срыва летят и сами ретрансляторы – взрываются генераторы поля. Здесь же у вас станции отработали нормально... – Он прервал речь и недоверчиво посмотрел на Керри. – Но это же нонсенс! Для приема ТФ-передачи нужен как минимум ТФ-приемник. Иного просто не может быть!

– Да? – холодно бросил Йос. – Тогда где-то существуют ТФ-приемники, установленные... – он помолчал, – установленные не людьми.

Наступила тишина. Ее через минуту нарушил Богданов:

– Накладок нет?

Керри Йос, чуть прищурясь, покосился на него.

– Технический сектор в отличие от нашего ошибается редко. Эксперты перерыли все ТФ-станции в контролируемой нами области космоса – грузы исчезли бесследно. Но если верить словам Ромашина... – Начальник отдела запнулся. – Простите, Филипп, я оговорился, просто неудачный оборот речи. Я хотел сказать, исходя из вашей информации, следует сделать вывод, что грузы ушли к чужим станциям.

– Теперь понятно. – Богданов переглянулся с Томахом. – Значит, мы вышли на передовые посты чужой цивилизации, так?

– Это вам и предстоит выяснить, – сказал Керри Йос, и было в обыденности его тона нечто такое, от чего Филипп ощутил в душе тревогу и неуверенность. До него только теперь дошел смысл слов «чужая цивилизация».

– Мы пригласили вас, Филипп, вот почему, – продолжал начальник отдела. – Эксперты сектора сейчас все в разъездах, а вы опытный специалист по ТФ-связи. Не могли бы вы помочь нам? Придется, конечно, на некоторое время покинуть Землю.

Филипп не удивился вопросу, он ждал его, и все же ответить сразу было трудно, мысли разбежались.

– Вы знаете... в общем-то, специалист я... вот если начальник бюро Травицкий...

– К сожалению, времени на переговоры у нас нет, да и немолод Кирилл Травицкий, такие беспокойные путешествия ему не по плечу. У вас есть иные причины для отказа?

– Да... н-нет, причин, собственно... тренировки в сборной, разве что, – забормотал Филипп, ненавидя себя за растерянность. – Я приглашен в сборную Земли, и тренер будет недоволен... если это надолго.

– Тренера я беру на себя, – сказал Томах. – Из формы ты не выйдешь, ручаюсь. Кстати, а насколько действительно рассчитана командировка?

– На неделю, – подумав, сказал жизнерадостный Тектуманидзе. – Может быть, на две, максимум на три.

– Вполне определено, – усмехнулся Томах. – Плюс-минус год.

– Согласны? – Керри Йос остался серьезным и спокойным, и Филипп вдруг понял, кого он напоминает, вернее, откуда в нем иногда мелькают знакомые черты: сдержанность, спокойствие, готовность к действию, быстрота оценки собеседника, внутренняя убежденность и сила. Эти черты были присущи и Томаху, и Богданову, и, наверное, всем работникам аварийно-спасательной службы, и отражали они не случайное явление, а доминанту характера, состояние души и тела.

– Согласен, – сказал Филипп хрипло.

– Спасибо. Тогда – завтрак, сборы, и в дорогу. Слава, побеспокойся обо всем необходимом. Старт «Тиртханкара» через три с половиной часа.

– Пошли, – будничным тоном сказал Томах и встал. Ему было не привыкать.

Они вышли, зажмурились от смены освещения: коридор был залит ярким солнечным светом.

– Слава, – сказал Филипп, – а зачем такая спешка? Подождали бы экспертов из технического сектора и спокойно занялись проверкой этих ваших ТФ-ретрансляторов.

– А чужая цивилизация? – напомнил Томах. – Мы открыли пока всего одну цивилизацию, исследовав двести сорок звезд, цивилизацию Орилоуха, да и та оказалась негуманоидной, отказывающейся от исследования космоса. А здесь, похоже, она, по крайней мере, не уступает нашей в темпах освоения Галактики! Понял? Нам нельзя не спешить.

– Да-а, работа у тебя – не позавидуешь! Добровольцы – шаг вперед! Так? А кто такой Бассард?

– Что, не понравился?

– Как тебе сказать... угрюмый он какой-то, непропорциональный и недоброжелательный.

– В наблюдательности тебе не откажешь. Генри Бассард – начальник второго сектора УАСС, того самого, который отвечает за безопасность системы Садальмелека и всего созвездия Водолея; я имею в виду – безопасность исследователей. Ну, Бог с ним, со вторым сектором, тебе еще представится случай познакомиться с Бассардом поближе. Я заметил твою мину, когда ты оценивал нашего Керри. Как он-то тебе показался?

Они вышли под прозрачный купол центрального метро управления, где располагалось более двухсот кабин мгновенного масс-транспорта.

Станислав нашел свободную и посторонился:

– Входи. Ну так как? – повторил он вопрос.

– Вполне нормальный... я хотел сказать, обыкновенный. – Филипп вошел в светлую, с белыми «мраморными» стенами кабину. Станислав с некоторым трудом втиснулся следом: оба были широкоплечие, мускулистые, хотя Филипп весь – порыв, движение, а Станислав – невозмутимое «хищное» ожидание.

– Нормальный! – фыркнул Томах. – Обыкновенный! Он просидел на Орилоухе почти три года после той злополучной разведывательно-контактерской экспедиции, во время которой погибли твои родители. Именно после этого случая и организовали в УАСС отдел «слепого контакта», страхующий работу специалистов Института внеземных культур. Керри был первым начальником ОСК.

Станислав рассказывал что-то еще, но Филипп его не слышал. Он вспомнил, как домой к ним пришла целая делегация работников управления и Комиссии по контактам, чтобы сообщить о гибели отца и матери, и как он не поверил, и что потом, в кошмаре пустых комнат... Грозный Орилоух, планета, физически почти тождественная Венере: океанов нет, плотность атмосферы «на дне» равна половине плотности воды, температура – плюс пятьсот градусов по Цельсию. И странная небиологическая «цивилизация жидких кристаллоподобных форм», разум, отказывающийся от любых контактов с другими разумными существами и без всяких объяснений уничтожающий гостей... первая открытая вне Земли цивилизация... А Керри Йос провел в этом аду три года!..

– Да-а, – занемевшими губами произнес Филипп. – Три года на Орилоухе – это много!.. Куда теперь?

Томах пожалел, что затеял разговор об Орилоухе.

– В кафе, знаю одно приятное местечко. Я, например, голоден. После завтрака будет время попрощаться. Тебе есть с кем?

– Не знаю, – пробормотал Филипп, вспоминая вдруг улыбку Аларики. – Разве что с Травицким?

Станислав набрал код выхода, ткнул пальцем в квадрат пуска, и их швырнуло в солнечный свет.

Керри Йос подвел Богданова к хрустальному шару, что-то щелкнуло, и внутренность шара наполнилась светом и жизнью. Это была объемная и почти масштабная модель второй спирали Галактики, так называемый Рукав Стрельца, в который входила и звезда-карлик Солнце.

– Есть еще одна проблема, – сказал Йос. – Более тревожная, чем остальные. Система Золотоволосой, планета Рыцарь...

– Орилоух на радиоязыке аборигенов, – уточнил Бассард.

– Да, Орилоух, мы тоже все чаще употребляем это название. Над планетой вращаются две наши орбитальные станции, одна обитаемая, вторая резервная, законсервированная. Вчера оттуда пришел сигнал: резервная станция вскрыта, кто-то ее посетил.

– Ого! – сказал Тектуманидзе. – Интересно. Неужели орилоуны?

– Исключено.

– Тогда кто-то из персонала рабочей станции.

– Тоже исключено. Раз в полгода на станцию отправляется смена техников для проведения профилактических работ, эта смена и обнаружила следы чьего-то присутствия. Защита станции не пробита, продолжает работать, но следы тем не менее есть.

– Насколько я помню, у этих станций многослойная изоляция плюс ТФ-экран.

Керри молча нашел звезду, о которой они говорили, тронул в этом месте прозрачный шар кончиком щупа: шар отозвался тихим звоном.

– Но сквозь ТФ-экран не может проникнуть ни одно материальное тело!

– Мы не можем! – мрачно, с нажимом сказал Керри Йос. – Мы. А они, значит, могут.

– Кто они? Не орилоуны же в самом деле.

– Все эти сообщения нуждаются в проверке, – веско сказал Бассард. – Лично я сомневаюсь в их истинности. Наследить на станции могли и сами техники еще в прошлое посещение.

– Сто сорок три парсека, – пробормотал Керри Йос. – До Садальмелека сто десять, до гаммы Суинберна сто сорок три. И все три звезды в разных секторах, и все три – на границе исследованной нами зоны. О чем это говорит?

– Не знаю, – помолчав, сказал Богданов.

– И я пока не знаю. А если не знает отдел безопасности...

– Значит, надо объявлять «Шторм» по управлению?

– Ну, «Шторм» не «Шторм», а хотя бы степень АА: готовность службам наблюдения за пространством, усиление патрульного обеспечения, косморазведке перейти на формы «Экстра».

– Не рано ли? – Бассард скептически поджал губы. – Вы представляете последствия тревоги?

Они посмотрели друг на друга, четыре специалиста, знающие цену неожиданностям.

– Ну, Керри, что ты, право... – позволил себе улыбнуться Тектуманидзе. – Нас же двадцать миллиардов!

– Успокоил, – грустно усмехнулся начальник отдела. – Действительно, нас двадцать миллиардов, из них восемнадцать на Земле и в Системе, остальные у других звезд. И я подумал: а не много ли это для других звезд?

Бассард задвигал своими бровями Карабаса Барабаса из детской сказки.

– Что ты этим хочешь сказать?

Керри посмотрел на браслет видео, в квадратике которого проступили цифры времени, и медленно проговорил:

– Sapienti sat¹⁰...

«Тиртханкар», дежурный спейсер УАСС – километровый цилиндр, увенчанный чудовищной гребенкой генераторов разгона, – вышел из собственного ТФ-коридора в мегаметре от дрейфующей в свободном пространстве ретрансляционной ТФ-станции. До ближайшей звезды было немногим меньше семи парсеков, мизерность плотности космического звездного поля

¹⁰ Умный поймет (лат.).

ощущалась здесь с особенной остротой, поэтому казалось, что станция давным-давно заброшена и не функционирует – уж очень неэффективно выглядела она на фоне звездной пыли Батыевой дороги, как звали Млечный Путь древние монголы. Именно с этой станции и ушел в неизвестном направлении транспорт с грузом, перед тем как спохватившиеся диспетчеры из Истории, второй планеты Садальмелека, куда направился груз, растерянно докладывали Земле, что к Садальмелеку пришло только волновое эхо передачи, а сам груз исчез в неизвестности.

Станция была автоматической, точно такой же, как и все промежуточные ретрансляторы, усиливающие стационарный ТФ-туннель между станциями метро Солнечной системы и планет у других звезд. Обслуживающий персонал появлялся здесь раз в два года для профилактических осмотров силовых агрегатов и настройки дубль-систем. Но сейчас на ней не было ни одной живой души. Состояла она из двухкилометрового диаметра колец, соединенных тремя спицами изоляторов и создающих между собой приемно-передающий объем. Кольца были сделаны из металла и опутаны спиралями эмиттеров, окутанных в свою очередь «шубой» нежного голубоватого сияния.

Прибывших в первую очередь интересовали не силовые конструкции, а отсеки управления, прилепившиеся к кольцам и напоминающие драгоценные камни на перстнях.

Филиппу как специалисту было интересно бродить в лабиринтах энерголовушек и антенн, запрятанных в телах колец, сравнивать инженерные решения конструкторов Земли почти двадцатилетней давности с современными. Вместе с ним бродил по станции и Богданов, задавая иногда такие дельные вопросы, что Филипп только диву давался и однажды даже спросил, не работал ли инспектор когда-нибудь в Институте ТФ-связи.

– Не пришлось, – с улыбкой, смягчавшей пронзительный огонь в глазах, ответил Богданов. – Но я всегда интересовался ТФ-теорией и ее воплощением в действительность. Потому что от ТФ-транспорта – один шаг до перемещения в пространстве усилием мысли, а это моя мечта.

– Почему? – удивился Филипп.

– Тогда сама собой отомрет спасательная служба, каждый из нас сможет прийти на помощь другому, как бы далеко тот ни находился. Правда, тут возникает еще одна проблема – проблема мысленного общения, парасвязи. Причем проблема не физическая, а морально-этическая. Мысленный контроль над мгновенным перемещением в пространстве установить можно, а воспринимать чужую боль, страх, беду мы пока не научились.

– Для этого надо все время ощущать людей рядом, мысленно ощущать, эмоционально видеть их пси-сферу, желания и стремления. По-моему, это уже иные качества, другая энергетика тела, физические характеристики. Останется ли тогда от человека что-нибудь человеческое?

– Останется, – развеселился Богданов. – Доброта и стремление к совершенству. Разве не так?

На осмотр станции ушло два условных дня, хотя Филиппу помогала бригада инженеров спейсера под началом Станислава Томаха. К концу этого срока Филипп проникся к Богданову симпатией и уважением, малоразговорчивый и противоречиво-спокойный – по оценке Филиппа – заместитель начальника отдела безопасности оказался не только знающим делом специалистом и остроумным собеседником, но и тактичным и сдержанным человеком, в чем сказались двойственность его натуры. По виду, мгновенной реакции на любой жест и беспоконному блеску глаз он должен был быть очень подвижным, нервным, суетливым человеком, на самом же деле богдановская выдержка даже вошла в поговорку, такого самообладания не было у «железного» Томаха, и это изумляло Филиппа и заставляло самого относиться к себе жестче, требовательней.

Отсек управления «левым» кольцом ретранслятора, как назвал его Томах, или «входом резонатора», как он назывался в паспорте, прятался под прозрачным куполом, способным выдержать ядерный взрыв, три одинаковых помещения с тремя совершенно одинаковыми компьютерами, координирующими работу оборудования станции. Два из них были дублирующими, но включенными постоянно в параллель с основным во избежание срыва канала.

При первом осмотре аппаратуры Филипп вдруг обратил внимание на панель терминала обратной связи, установленную специально для профилактического контроля работы компьютера, в рабочем режиме терминал был без надобности. Прямо над сенсором включения пульсировала необычайно красивая звезда, изменяющая со временем спектр излучения: три вспышки рубинового света, три оранжевого, три желтого, потом зеленого, голубого, фиолетового, и снова вся серия с начала... Озадаченный Филипп полюбовался чистыми переливами света и включил информ эксплуатации, однако в описании аппаратуры отсека не нашлось упоминания об индикаторе со сменой спектра. Судя по ответу информа, такая индикация не применялась на ретрансляторах вообще. Но «звезда» продолжала отсчитывать вспышки как ни в чем не бывало, а главное, источником света, как выяснилось, был просто участок панели, не имеющий подвода питания!

Филипп облазил весь терминал, сделал анализ материала панели и вынужден был сдаться: все параметры компьютера были в пределах нормы, а материал светящегося участка ничем не отличался от соседних. «Звезда» словно смеялась над ним, совершенно безобидная на вид, преобразившая панель в деталь сказочной декорации.

Может быть, это новейшая доработка оборудования? Но доработчики обязаны были оставить запись о реконструкции. Забыли? Маловероятно, хотя и не исключено. Что же это такое?

Ничего не придумав, Филипп поделился открытием с Богдановым, который отреагировал совершенно спокойно.

– Ну и что? – сказал он. – Вернемся и спросим у службы ретранслятора, не копались ли здесь доработчики. Нам важнее другое: узнать причину срыва груза.

На самом деле Богданов был очень и очень встревожен, но поделился своей тревогой только с Тектуманидзе.

Вечером второго дня, возвращаясь из очередной вылазки с Богдановым на станцию, Филипп, повинаясь больше инстинкту, чем сознательному решению, завернул вдруг в небольшой зал отдыха спейсера, откуда в коридор просачивались звуки музыки. Кто-то, вероятно, забыл закрыть дверь, и Филипп, прежде чем войти, с минуту размышлял, что привело его сюда.

В зале царил красноватый полумрак, и был он пуст, лишь в дальнем углу, где мерцал созданный видеопластом костер, кто-то сидел за столиком, уронив голову на скрещенные пальцы рук.

Музыка стихла. Сидевший поднял руку, пошевелил пальцами – зазвучала новая мелодия, Филипп вздрогнул. Это была старинная мелодия «Знак беды», напоминавшая о горечи утрат. Она всегда вызывала у Филиппа лирически-грустное настроение, а что такое настроение, как не климат сердца? И климат сердца у Филиппа после разрыва с Аларикой долго носил дождливый характер.

Откуда же здесь эта мелодия?..

Душу защемило так, что Филипп прикусил губу, бездумно глядя на трепет оранжевых языков пламени. Музыка продолжала свое нежное, тающее журчание.

Человек за столом встал и растворился во мраке. Но Филипп вдруг с суеверным страхом понял – женщина! Он не верил ни в совпадения, ни в мистику, ни в предчувствия, но в этот раз ощутил в себе такой властный зов сердца, что не раздумывая шагнул в зал.

Женщина стояла у громадного черного провала в стене – один из внешних виомов был включен в направлении Южного галактического полюса, – стояла, будто падая в абсолютную

черноту пространства; взгляд невольно начинал искать искры света в этой темноте и не находил.

Филипп подошел, мучимый сомнениями, остановился, глядя на абрис женской фигуры. Женщина повернула голову... Он не ошибся, это была Аларика.

– Это ты, – сказала она низким спокойным голосом, будто они расстались час назад, будто не разделял их океан времени глубиной в пять лет, и неизвестности, и почти угасшей боли потери. Почти?.. – Не думала, что встречу тебя среди безопасников.

– Я всего лишь эксперт по ТФ-аппаратуре, и то временно. – Голос у него оказался таким же спокойным, и он усмехнулся про себя: в глубинах памяти шевельнулась надежда, но это была такая эфемерная ее тень, что здравый смысл легко справился с нею. И все же... не умерла в душе память рук, память губ, память тела... Память голоса, движения, мысли... и память сердца... «О память сердца, ты сильнее рассудка памяти печальной...» – всплыли вдруг строки. Чьи? Впрочем, какая разница? Случайные встречи только подчеркивают закономерность разлуки... – Я тоже не ожидал встретить тебя на спейсере.

– Я по-прежнему врач-универсалист «Скорой помощи» УАСС, хотя работаю в этом амбула мало, практически один раз в месяц, дежурным врачом. Так получилось, что это мое дежурство совпало с экспедицией «Тиртханкара».

– Почему же я не видел тебя со времени старта?

– Была занята и... хотя вру. Просто не хотела, чтобы ты меня видел.

– Что же изменилось сегодня? На спейсере этого типа можно прожить год и не встретиться.

Аларика отвернулась к виому. Танцующее, немигающее пламя искусственного костра делало ее профиль загадочным, как изваяние древней богини.

– Мне рассказал о тебе друг моего мужа Никита Богданов. А я хотела проверить.

– Богданов? Друг мужа? – Вопрос прозвучал недостаточно естественно и спокойно. Он приказал себе быть посдержанней, но в грудь снова плеснуло волной грусти, и Филипп вдруг представил Аларику в объятиях мужа – абстрактной фигуры, смахивающей на Мая Реброва. Это отрезвило.

– Да, некоторое время они работали вместе. – Аларика осталась спокойной и ровной. – Он ведь тоже был спасателем, хотя и не безопасником. А ты все там же?

Темнота скрыла запыхавшие щеки Филиппа. Вопрос прозвучал как незаслуженная пощечина. Грусть окончательно прошла, появилась злость.

– Все там же, – подтвердил он почти весело. – И по-прежнему играю в волейбол, как ты сама могла убедиться. Я спортсмен настроения, как отметил Ребров, я обидчив и самлюбив и не осуждаю себя за это. Каждый из нас пять лет назад решил по-своему: в силу эмоций – я, в силу неведомого мне расчета – ты...

– Я... – повторила она задумчиво. – Тебе не кажется, что ты довольно часто употребляешь местоимение «я»?

– Может быть, но мы не об этом. Ты мне тогда ясно сказала, что спорт – это несерьезно, это на год, на два, пока ты молод, и неопытен, и на вершине успеха... Неверно! Моя вершина еще впереди, и с высоты пяти лет, пока мы не виделись, я могу только повторить свои слова: волейбол, спорт – это на всю жизнь! Потому что большой спорт всегда приносит радость людям, и тем, кто им занимался, и тем, кто просто «болел». Потому что в каждом из нас живет дух соревнования, а для меня волейбол – не просто игра для себя и для зрителей, это в первую очередь школа жизни, где есть все: радость победы и горечь поражения, ярость атаки, и гнев ошибки, и напряжение мысли, и действие, в котором ты выкладываешься весь до конца! – Филипп выдохся и остановился. – Впрочем, прости, я, как всегда, увлекаюсь, в этом я не изменился.

Она молчала, вспоминая, как впервые встретила Сергея Реброва.

В тот вечер Филипп, на свою беду, пригласил ее на встречу с друзьями – был праздник Отмены Границ, он обещал познакомить ее с легендарными безопасниками, асами аварийно-спасательной службы. Торжество было в разгаре, после фейерверка они заполнили с веселым шумом один из старинных банкетных залов Москвы, Филипп на минуту оставил ее одну – заметил кого-то из знакомых, и в это время в зал вошел Ребров.

Среди этих сильных парней он не был ни особенно широкоплечим, ни особенно красивым, ни особенно значительным, и все же она мгновенно выделила его из толпы, так и не поняв в тот момент, чем же он заставил обратить на себя внимание. Лишь потом, через несколько дней, после двух встреч с ним – он тогда тоже заметил ее сразу, – она поняла: Сергей Ребров был целеустремленным и уравновешенным во всех отношениях. Такого самообладания, как у него, твердых убеждений, принципов и уверенности в себе Аларика не встречала ни у кого из своих прежних знакомых, и это решило ее судьбу, а заодно и судьбу Филиппа...

– Прощай, – сказал Филипп, делая шаг к двери. – Спокойной ночи.

– Постой. – Она подошла к столику, костер погас, вспыхнул белый свет. Щурясь от смены освещения, они разглядывали друг друга. Конечно же, пять лет наложили отпечаток, он стал мужественнее, сильнее, хотя губы все еще хранили тень нерешительности или безволия, она – чуть полнее, женственнее... красивее, что ли? Как это выразить словами? Мы четко знаем, что такое уродство, а что такое красота?.. В памяти всплыли строки, прочитанные когда-то Станиславом на дне рождения Аларики:

А если так, то что есть красота?
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?¹¹

Слава умеет выбрать четверостишие, выражающее душу поэта, подумал Филипп. Стихи стары как мир, а воспринимаются как откровение...

– До свидания, – уже свободней произнес он. – Ты мне очень помогла сегодня, спасибо. Ты еще что-то хочешь сказать?

– Хорошо, если я ошибаюсь. – В глазах Аларики мелькнули упрямые огоньки. – Но и ты в одном ошибся. Пять лет назад я решила не в силу расчета, а в силу любви. Я любила Сергея.

Филипп несколько мгновений смотрел ей в глаза, поклонился и вышел, унося в душе все то, что она высказала взглядом, породившее смятение и бурю эмоций. Ему очень хотелось остаться, но прежде надо было разобраться в себе, в своих желаниях, иначе можно наломать дров... В том, что Аларика любила своего мужа, сомневаться не приходилось. И эта ее сожалеющая усмешка: «Ты все там же?» Филипп снова почувствовал прилив обидной горечи, но ему, как ни странно, стало легче. Аларика изменилась, но изменился и он...

На третий день Филипп наконец систематизировал свои соображения и решил доложить их руководству экспедиции.

Экспедиционный зал спейсера был небольшой, но благодаря видеопласту создавалась иллюзия громадного ледяного грота, со стен которого брызгали снопы разноцветных лучей.

– Не люблю экзотики, – проворчал Томах, по молчаливому согласию Богданова выключая видеопласт. Грот исчез, одна за другой видеостены открывались в пространство, пока освещенный квадрат пола с креслами, столом, пультом селектора не оказался висящим в пустоте.

Серебристый шлейф Млечного Пути искрился мириадами алмазных игл, глубина космоса раскрылась так, что казалось – ты падаешь, падаешь в засасывающую бездну, где ожидает

¹¹ Н. Заболоцкий.

тебя приглушенное бормотание Дороги Душ, неторопливое, но вечное течение Серебряной Реки¹² и бесконечность...

Филипп с усилием оторвал взгляд от пристального ока какой-то далекой зеленой звезды и повернулся к спасателям.

– Автоматика станции в полном порядке, – начал он, ощущая необычную робость и волнение: в качестве эксперта ему еще не приходилось выступать, да и обстрел пяти пар глаз, принадлежавших суровым и требовательным людям, был непривычен. – Это, наверное, и не подлежало сомнению, надежность ретрансляторов подобного типа практически равна единице. Чтобы изменить параметры хотя бы одной цепи, необходимо взорвать всю станцию, а это далеко не просто. Станция работает нормально, во всяком случае, наши депеши Земля получает, как и мы ответы оттуда. Необходим эксперимент с передачей груза на Садальмелек, только тогда можно будет с уверенностью сказать об эффективности линии. Вот, пожалуй, и все у меня.

– Вывод ясен, – сказал начальник экспедиции Шалва Тектуманидзе. Одетый в просторную белую рубашу со шнуровкой – компенсационный костюм спасателя он почему-то не любил, хотя тот был удобен и рассчитан на все случаи жизни, – сухой, жилистый, прокаленный солнцем, черноусый и чернобровый, он выглядел гостем, странником, гусярем, случайно забредшим в хижину, но оказавшимся в технически совершенном дворце. Филипп мысленно повесил ему через плечо холщовую суму и гусли, дал в руки посох и усмехнулся про себя – так великолепно начальник экспедиции вписывался в образ гусяря.

– Но позвольте вопрос, – продолжал Тектуманидзе, – можно ли запеленговать приемную станцию, если при передаче груз снова сорвется с трассы Садальмелека?

– Нет, – подумав, ответил Филипп. – Во время возбуждения ТФ-поля при передаче любого сообщения или груза в пространстве образуется волновое эхо, но тут мы сталкиваемся сразу с двумя нерешенными проблемами. Первая – принцип неопределенности: чем длиннее и качественнее передача, тем слабее эхо и больше ошибок в определении координат передатчика. Вторая – аппаратуры для точной пеленгации ТФ-передач не существует, до сих пор она была не нужна. Обычный ТФ-приемник, как и корабельные трассеры, не годится. Дело в том, что ТФ-поле – это не физическое поле в нашем понимании, а свойство пространства, отражающее топологические особенности вакуума...

Филипп замолчал, интуитивно поняв, что объяснения его излишни: хотя его продолжали слушать, по едва уловимым признакам можно было понять – людей интересовало другое.

– Еще вопрос, – вмешался Томах. – Безопасен ли эксперимент для работников конечных станций на Земле и на Истории?

– Гарантии дать, конечно, трудно, но конструкторы давно ушли от техники безопасности к созданию безопасной техники. При малейшей угрозе жизни людей сработают автоматы защиты.

– Сказано неплохо, – проворчал кто-то из команды спейсера, – но тем не менее случаются аварии и с безопасной техникой.

Филипп пожал плечами и промолчал.

Совещание закончилось.

Через несколько часов провели экспериментальный запуск груза с Земли на Историю. Груз – генераторы кислорода – прошел спокойно, без всяких эксцессов. Несколько часов подряд Филипп с помощью бортинженеров спейсера «гонял» трассу между Землей и станцией: канал ТФ-передачи в обе стороны работал безукоризненно, как и между станцией и Историей.

– Отсутствие результата – тоже результат, – утешил Томах Богданова, когда усталые они вернулись на корабль.

¹² Названия, которые давали астрономы древности Млечному Пути.

- Но первый груз исчез, – произнес тот отсутствующим тоном. – Куда? Кто его принял?
- Кто-нибудь принял. Надо просто обследовать все звезды этой области в радиусе пятидесяти парсеков – это предел для прямой ТФ-связи на тех частотах, которые мы используем.
- Гениально! В радиусе пятидесяти парсеков тысячи звезд!
- Ну что ж, – не сдавался Станислав, – тогда мы пошлем сообщение по всей Галактике – верните, мол, наши грузы!

Богданов невольно улыбнулся.

– Разве что.

– Я пошутил.

– А я нет. Идея неплохая. Кстати, от всего нашего копания на станции у меня осталось нехорошее чувство, будто мы что-то упустили из виду.

– Не из-за тайны ли «звезды Ромашина»? Ведь мы так и не установили, что это такое и по какой причине возникло. Знаем только, что доработчики здесь ни при чем.

– Может быть, есть смысл еще раз замерить параметры среды в этой точке? Но будет ли результат?

Томах пожал плечами.

– Филипп замерял, я, ты тоже. Конечно, придется проверить еще раз, что нам остается? Твое мнение о Филиппе?

– Хороший парень. Правда, выдержки маловато, да и вяловатый он не по возрасту, но это дело поправимое, со временем из него мог бы получиться...

– Ну-ну, договаривай.

– Что договаривать? Я ведь тебя знаю, неспроста ты заостряешь на нем внимание так?

– Да. – Томах остался серьезным. – Выдержка – это наживное, и вялость жизненной позиции – дело поправимое. По моему мнению, он находка для Службы, только не знает об этом. Что скажешь?

– Поживем – увидим. Прежде всего надо получить его согласие, а я вижу, что он не хочет бросать свою работу в бюро Травицкого.

Спустя двое суток «Тиртханкар» подходил ко второму ТФ-ретранслятору, с которого не прошел груз к планетам звезды гамма Суинберна. Но и там людей ждало разочарование: станция работала в пределах нормы, никаких следов вмешательства посторонних сил в ее работу не нашлось. Кроме одного: «звезда Ромашина» сияла и там, не связанная ни с одним источником энергии, никоим образом не действующая на приборы, не проявляющая никаких других свойств, кроме ритмичной пульсации спектра излучения.

Передав на Землю неутешительную информацию, Тектуманидзе неожиданно получил приказ следовать к Кохабу – бете Малой Медведицы, возле которой на планете Шемали начала недавно работать первая, «квартирьерская», как их называли, экспедиция.

Двести девяносто парсеков – сто восемьдесят от Солнца и сто десять от Солнца к Кохабу – «Тиртханкар» преодолел за трое суток.

Еще через сутки карантин Филипп ступил на почву Шемали, слегка оглушенный избытком впечатлений и астрономическими расстояниями, которые преодолел вопреки своим желаниям. Его уже перестала удивлять «безумная» щедрость Земли в отношении снабжения спейсеров аварийно-спасательной службы энергией, ибо он понял – делается все это ради той же Земли, ради ее повелителей, покинувших колыбель и углубившихся в безмерное поле тьмы космоса.

Вокруг Шемали вращалась одна базовая орбитальная станция, на которой недавно вступила в строй стационарная линия метро. С включением ее в рабочий режим вопрос доставки научных материалов на Землю превращался в совсем простую операцию, несмотря на колоссальные расстояния в десятки парсеков.

За время карантина Филипп познакомился с настройщиками, такими же, как и он, выпускниками Рязанского института ТФ-связи, и помог им в калибровке главной антенны, за что получил благодарность руководителя группы.

Спуск на планету происходил стандартно, как и возвращение на Землю с ее орбитальных лабораторий, оранжерей и космодромов – по каналу орбитального лифта, соединяющего станцию с пунктом приема на планете. Единственное, что отличало здесь операцию спуска, – одевание компенсационного костюма.

Филиппа пригласили в цилиндрический бокс, на минуту подключили к блоку медико-биологической изотермии для замера физических и физиологических параметров тела, всунули в рот мундштук, надели на глаза телескопические очки, а на уши аудиофоны и впихнули голого в странную черную массу, заполняющую бак без крышки. Из бака Филипп вылез в черном «трико», облегающем тело от макушки до пят. В таком наряде спасателям предстояло пребывать на планете неопределенное время, отведенное для решения новой задачи – какой, об этом знал пока один Тектуманидзе.

Филипп с любопытством опробовал странную одежду. К его удивлению, она ничуть не стесняла движения, была легкой и вызывала удивительное чувство силы. Томах, похожий на черта, как и остальные, отсмеявшись, пояснил:

– Костюм служит одновременно и экзоскелетом, увеличивающим любое мускульное усилие.

По словам инспектора, костюм выдерживал выстрел из «универсала», температуру до тысячи градусов, служил кондиционером и одновременно удалял все отходы метаболизма тела.

– Здорово! – сказал искренне Филипп. – А из чего он сделан? Что за материал?

Они уже входили на галерею станции, откуда начинался трехсоткилометровый туннель к поверхности планеты, кажущийся прозрачной голубоватой трубой. Труба упиралась в слой змеящихся облаков и пропадала в их зеленовато-серой мути.

– Материал? – переспросил Станислав. – Да самый что ни на есть простой – колония микроорганизмов, запрограммированная определенным образом. Не отставай, пойдем парой, остальные уже внизу.

Ошеломленный Филипп ощупал на себе «колонию микроорганизмов».

– Вот так костюм! А почему он черного цвета? Не могли покрасить в разные цвета?

– Во-первых, потому, что микроорганизмы поглощают солнечный свет и почти все виды радиации, а во-вторых, любое красящее вещество для них – продукт питания.

– Теперь понятно. Одно только неясно – зачем они нам вообще? Ведь Шемали – планета земного типа, как мне сказали.

– Земного, да не совсем. Что ты привязался ко мне со своим мундиром? Не нравится, попроси легкий скафандр, а в «гражданском» тебя вниз никто не пустит, планета еще не проиндексирована по шкале безопасности.

Они молча продолжали путь по галерее, сопровождаемые стрелкой путеуказателя, плывущей по стене, потом Филипп спросил:

– А как это – в «гражданском»? Ты говорил, не пустят в «гражданском»...

Томах не выдержал и засмеялся.

– Ох и дотошный ты мужик, Ромашин! В «гражданском» – это словарный запас почти трехсотлетней давности, тогда почти половина населения Земли ходила в военном обмундировании, а остальные соответственно в гражданском. Ты часом не издеваешься? Историю-то в школе проходил, как и все.

В конце галереи они надели вакуум-маски, вошли в белый конус кабины лифта с цифрой «десять» на дверце, автомат-лифтер отсчитал десять секунд в обратном порядке, и мягкая, но властная лапа швырнула кабину с начинкой в туннель, в невообразимой дали сходящийся в точку.

Полет продолжался ровно шесть минут. Видимо, чтобы не травмировать путешественников эффектом падения в бездну планеты, стены кабины не становились прозрачными во время полета, и Филипп не увидел Шемали с разных высот.

Прозвучал предупреждающий сигнал автомата, та же мягкая лапа без усилий поймала кабину и почти нежно внесла в приемный зал лифта. Дверца отошла вверх, спасатели вышли из здания лифта в шемалианский день.

Филипп остановился, пораженный открывшимся пейзажем.

На первый взгляд на Шемали царили два цвета: черный и желтый! Черный – почва, пологие склоны гор, полуразрушенные временем скалы, желтый – мутное небо с яркими прожилками, лес и группа каких-то построек явно земного происхождения. Со временем Филипп разобрался в оттенках шемалианского ландшафта, но в первый момент своеобразие контраста – черное с золотым – буквально потрясло его.

Догнав ушедшего вперед Томаха, он подумал: «А все же костюмы делают нас чересчур похожими на участников маскарада, разве что хвостов не хватает. Действие первое: черти спускаются в потухший ад! Вопрос – зачем?»

– Слава, мне толком никто и не объяснил, почему мы здесь.

– Мне тоже, – отозвался Томах. – Потерпи, эксперт. Кстати, эксперту УАСС необходимо быть выдержанным, уверенным и многозначительно молчаливым. Хотя, с другой стороны, спасатели тоже люди и могут...

– Ошибаться? – подхватил Филипп.

Томах с недоумением оглянулся.

– Нет, эксперт, сомневаться. Только не ошибаться.

Они вошли в самый большой из желтых куполов жилого комплекса экспедиции и, миновав тамбур, очутились в круглом помещении, просторном, уютном, с «настоящим» солнечным светом, льющимся с «небес», – весь потолок служил фоном видеопласта, отчего казалось, будто крыша купола отсутствует и внутрь заглядывает веселое земное солнце.

Купол, вероятно, был кают-компанией и одновременно командным пунктом экспедиции, за полупрозрачной перегородкой, делившей помещение на две почти равные части, виднелись силуэты каких-то аппаратов, низких пультов с виомами и мигающими индикаторами. Оставшаяся половина площади помещения была заставлена изящными столиками и всевозможной формы креслами, а у стены стояли рядом автобар и кухонный универсальный автомат, модель «Комфорт-91» на пятьдесят персон.

Кают-компания была почти пуста: за двумя сдвинутыми столиками расположились гости с «Тиртханкара» и хозяйева, хотя кто из них кто – понять было трудно, одеты они были в такие же черные костюмы. Филипп, приглядевшись, опознал только Богданова и Тектуманидзе – по глазам. Остальные «черти» были незнакомы. Один из них, широкий, громоздкий, встал из-за стола и пошел навстречу вновь прибывшим.

– Заходите, гости дорогие, заходите смелее. Давайте знакомиться, Тарас Вернигора.

– Ну, меня ты мог бы и узнать ради приличия, – сказал Томах, подавая руку. – Год назад вместе посещали секцию тайбо.

– Вай, как нехорошо! – огорчился Вернигора. – Прости, дружище. Как же это я не узнал соперника по ковру, мявшего мне бока в течение трех лет?

– Ромашин, – представился Филипп, протягивая руку, и словно попал в капкан.

– Филипп – наш новый эксперт, – сказал Тектуманидзе, хотя это было не совсем верно.

– А я начальник экспедиции, – сказал Вернигора. – Эксперт, вы случайно не спортсмен? Мне кажется, я вас уже где-то видел. Да и рука у вас крепкая, тренированная.

– Не случайно, – сказал Филипп, чувствуя себя неловко из-за того, что все внимание оказалось прикованным к нему. «Интересно, откуда видно, что я спортсмен? – подумал он. – По глазам, что ли? Или он меня действительно видел где-нибудь на соревнованиях?»

– Извини, Тарас, давай о деле, – вмешался Тектуманидзе. – Повтори еще раз те данные.

– Да, о деле, – согласился Вернигора, отпуская руку Филиппа и возвращаясь к столу. – А дело состоит вот в чем. Экспедиция у нас квартирьерская, исследовательская группа немногочисленна, в ее составе всего двадцать восемь человек, а строительный отряд почти в девять раз больше. Вы, наверное, видели с воздуха некоторые наши сооружения, имеется в виду – законченные, остальные только начинают строиться. План застройки большой, экспедиция нуждается и в людях, и в технике, особенно в технике. И тут на тебе – груз с Земли не приходит!

– Не понял? – удивился Томах.

– Пока мы исследовали причины исчезновения грузов на Истории, точно такой же случай произошел здесь, – пояснил Богданов. – Четверо суток назад. Они решили дать пробный пуск линии, на Земле старт-камера освободилась, а финиш-камера здесь, у Шемали, даже не мякнула.

– Вот оно в чем дело. И Шалва знал об этом, но не сказал ни слова?

– Не стриги мне усы на ходу, – проворчал осуждающе Тектуманидзе, хотел по привычке погладить усы, но наткнулся на гладкую черную поверхность костюма.

– Но это еще не все, – продолжал Вернигора. – До исчезновения груза, вернее, до того как с Земли нам передали, что груз к нам ушел, мы заметили «зеркала» не совсем простые, но об этом я рассказывать не буду, пощупайте их сами. Ну а вслед за открытием произошел срыв транспорта с грузом.

– В таком случае нам надо проверить ретрансляционные станции, а у вас нам делать нечего.

– Кто знает... – загадочно сказал Вернигора. – Именно после появления «зеркальных перевертышей» и случилась эта история с грузом. Так что вполне вероятно, что они каким-то образом связаны.

– Погоди, ты же сначала говорил о «зеркала». А «перевертыши» что такое?

– Это одно и то же.

– О «зеркала» мы узнали уже от вас, – сказал Тектуманидзе. – С Земли на спейсер пришла ТФ-депеша об исчезновении груза на Шемали, и вот мы здесь. Кстати, какого характера груз должен был к вам прийти?

– В основном оборудование терраформистов: комбайны для грунтовых и горных проходок, плазменные резаки, аппаратура объемного взрыва и так далее.

– Весьма любопытно.

Вернигора помолчал несколько секунд, собираясь с мыслями.

– Мы разбили лагерь на Шемали два месяца назад. Сейчас, конечно, здесь почти никого нет, исследователи разбрелись по всем материкам планеты, строители и терраформисты успели построить себе стационарный поселок, и база, по существу, превратилась в пункт обслуживания отрядов, тем более что лифт от орбитального метро тоже опущен сюда. И все было бы хорошо, если бы не инцидент с грузом. Ну, и «зеркальные перевертыши» – тоже интересная штука. – Начальник экспедиции подождал вопросов, не дождался, кхекнул и продолжал: – Представьте, что на скале, возле которой проходили раньше десятки раз, вдруг начинает отражать свет одна из плоских граней! Как самое настоящее зеркало. Это тем более впечатляет, что цвет скал здесь, сами видели, черный или темно-коричневый. Естественно, мы заинтересовались явлением, обнаружили еще несколько «зеркал» в разных местах; стали изучать и... давайте я вас провожу к одному из них. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Самое интересное, что «зеркала» способны перемещаться. То есть видеть их в момент перемещения никто не видел, но стоит группе сменить место базирования или работы, как на новом месте вскоре обязательно возникает «перевертыш». А на старом исчезает.

– Не очень-то это впечатляет, – проговорил Томах. – Похоже, вы открыли новое физическое явление – и только. С чем и поздравляем. Разве разведчики не предупреждали вас о подобных явлениях?

– В том-то и дело!

– Это не аргумент. Я все равно не вижу причины, из-за которой нас погнали за тридевять земель.

– Слава, ты просто плохо информирован, – вмешался Богданов. – Дело в том, что и на Истории, вращающейся вокруг Садальмелека, обнаружены какие-то «зеркала». И у меня смутное предчувствие, что я нечто подобное... – Он замолчал.

Томах подождал продолжения.

– Вот как? Зачем же тогда мы не высадили десант на Садальмелеке, а сразу двинули сюда?

– Те «зеркала» на Истории с исчезновением транспорта никто не связывал, – сказал Тектуманидзе. – Когда пришел приказ двигаться к Шемали, еще не было известно о здешних «зеркалах». Но теперь понятно, что «зеркала» и пропажи действительно взаимосвязаны, и нам придется заняться ими вплотную. Физические параметры «зеркал», я надеюсь, зафиксированы?

Вернигора встрепенулся.

– Конечно. Одно из них совсем рядом с базой, на Вепре – это скала такая. Не удивляйтесь, скалы на Шемали – одно из чудес света! Формы их столь разнообразны и удивительны, что ребята уже не раз докладывали мне о находках «развалин городов». Пойдемте, покажу вам «зеркало». Захватите антигравы, а то пешком ходить по местным буеракам не слишком приятно.

Спасатели вышли из помещения, окунувшись в мрачное «подземелье» шемалианского ландшафта, такие же угрюмо-черные в своих костюмах, как и окружающие долину скалы, словно они искони принадлежали этому миру и могли в нем раствориться без следа.

И тут Филипп понял причину своего недовольства: костюмы рождают мрачные ассоциации. Недаром крупные видеописатели современности обращали внимание на моральную сторону космической экспансии человечества, и в связи с этим Филипп даже вспомнил тему одной из видеоповестей: «Всегда ли человек несет с собой добро?» Факт – должен! Но вот несет ли? Слишком часто в поисках новых сырьевых и энергетических ресурсов он не заботится о побочных явлениях своего вмешательства в природу и в результате приходится восстанавливать экологическое равновесие чуть ли не в масштабах планеты, как это было век назад с Землей. Других примеров Филипп не знал и решил при случае расспросить об этом Томаха, не ведая, что своими расспросами даст толчок к решению завязавшейся глобальной проблемы, первые признаки которой – исчезновение грузов и появление «зеркал» – они только начали изучать.

Он оглянулся назад, по-новому всматриваясь в расположение базового лагеря экспедиции, и вдруг заметил над входом в соседнее здание огромную лучистую звезду, «играющую» цветовую гамму, от голубого до багрового, по три вспышки на каждой частоте. Филипп живо припомнил найденную им «звезду» на пульте управления ретранслятором.

– Что остановился? – окликнул его Богданов. – Не зевай, эксперт.

Один за другим люди поднялись в воздух, и Томах, стартовавший последним, весело прокричал:

Это в пору полнолуны
В ночь Иванову случилось —
Кавалькада чертовщины
Пронеслась тесниной духов¹³.

¹³ Г. Гейне. «Райнеке-лис».

Лагерь остался позади, приблизилась цепь скал, и в самом деле напоминавших руины. Вернигора резко спикировал к одной из них и стал на толстый ковер мха коричнево-красного цвета. Остальные опустились рядом, с любопытством оглядываясь по сторонам.

Скала с «зеркалом» напоминала очертаниями диковинного зверя, сходство с ведром она имела весьма отдаленное, но ощущение мрачной мощи, реальной угрозы от этого не уменьшалось.

«Зеркало» представляло собой трехметровую плоскость, отполированную до такой степени, что она отражала свет не хуже настоящего металлического зеркала. Фигуры людей в нем искажались самым причудливым образом, хотя поверхность «зеркала» на глаз казалась абсолютно ровной. Филипп поймал себя на мысли, что это «зеркало» весьма напоминает ему недавний розыгрыш с «динго» в рабочем кабинете института, розыгрыш, так и оставшийся неразгаданным.

– Вот такие пироги, – сказал Вернигора, разводя могучими руками; его двойник в «зеркале» тоже развел руками, но вывернутыми в локтях. – Из физических параметров, отличающих это место от других, следует отметить слабую магнитную аномалию да еще, пожалуй, микроволновый фон. Все материалы я вам выдам в лагере. Ну, посмотрели?

– А ведь отсюда открывается отличный вид на весь лагерь! – заявил вдруг Томах со странной интонацией. Он был единственным, кто не подошел сразу к «зеркалу», а сначала обошел площадку кругом.

– Может быть, – пожал плечами начальник экспедиции. – Никогда об этом не задумывался.

Он подошел к Станиславу, приставил руку козырьком ко лбу.

– Гм, действительно... ну и что?

Томах оглянулся на Богданова.

– Не знаю... ничего определенного, просто показалось странным. Филипп, я помогу тебе с контрольными замерами. Какая нам понадобится аппаратура?

– Вся, что есть, – резонно заметил Филипп, толком еще не зная, что именно придется замерять.

– Снабдим, – заверил спутник Вернигоры. – Хотя мы сами тут обнюхали все до камешка.

– Кстати. – Вернигора поднял с площадки угловатый черный обломок камня. – Это знаменитая шемалианская горная порода псевдоникс. Смотрите.

Он с размаху ударил камнем о выступ скалы, и камень рассыпался фонтаном осколков. Начальник экспедиции поднял несколько кусков и подал спасателям. В местах сколов обломки отливали фиолетовым и красным цветами, и каждый из них напоминал недоработанную скульптуру – удивительные фигурки людей, зверей, птиц, изделий рук человеческих.

– Что это? – спросил скептически Тектуманидзе, вертя в руках одну из фигур. – Как ты это делаешь? Фокус?

– Отнюдь. Это так называемая спонтанная асимметрия кристаллизации породы. Явление сверхредкое, если не единственное в своем роде. Но псевдоникс не последняя достопримечательность планеты, здесь много работы и для ксенобиологов, и ботаников, и зооморфологов. Нам повезло, что мы тут первые. Планета, как мне кажется, подпадает под статью эстетических ресурсов человечества, как зона отдыха, но я еще не все показал. Ждите.

Вернигора повернулся к «зеркалу» и с ходу вошел в него, как в открытую дверь.

Филипп ожидал стеклянного удара и фейерверка осколков, но поверхность «зеркала» чуть помутнела, а потом восстановила зеркальный блеск, отражая мир перед собой. Вернигора исчез!

Потрясенные гости переглянулись. Филипп открыл рот, собираясь рассказать Томаху о своей встрече с подобным зеркалом в своем институте, но передумал.

– И что дальше? – спросил Тектуманидзе спустя минуту.

– Подождем, – сказал один из старожилов. – Он появится минут через десять-пятнадцать. Максимальная задержка выхода из «перевертыша» тридцать три минуты, минимальная – восемь, мы замеряли. Чем объясняется разброс, неизвестно.

– А что там происходит с входящим?

– Да ничегошеньки. Не успеваешь сообразить, как уже выходишь! То есть для входящего проходит буквально мгновение, а выходит он через полчаса, причем не задом, а так, будто его незаметно повернули на сто восемьдесят градусов.

Спокойная гладь «зеркала» вдруг пошла рябью, затуманилась, из нее вынырнули нога и рука идущего человека, потом весь Вернигора.

– Ну как?

– Потрясающе! – сказал Тектуманидзе. – Дверь в параллельное измерение, не иначе. Я даже не уверен, что оттуда вышел именно ты. Вдруг вы обменялись?

– С кем? – опешил начальник шемалианской экспедиции.

– Со своим двойником из зеркального мира. Представляешь последствия? Придется тебя подвергнуть изучению и обследованию, как и само «зеркало».

Вернигора рассмеялся.

– Шутишь.

– Ничуть, – жестко сказал Тектуманидзе. – Вероятность существования «зеркальных миров» после работ Баташова – Каэдо – Сайкса доказана наукой, так что смеяться рано. Ты мог бы и сам скумекать, где можно рисковать, а где нет. Я, конечно, не верю в подобный обмен, но я безопасник и обязан проверить любую возможность.

Вернигора посерьезнел.

– Пожалуй, ты прав, я не учел всех последствий. Но ведь и мы не лыком шиты и прежде, чем уходить в «другие измерения», проверили все дистанционно. Что ж, будем исследовать феномен со всех сторон, в том числе и со стороны медицины и биологии. Я готов.

Через полчаса, побродив по скалам, спасатели вернулись в лагерь, нагруженные ворохом впечатлений от «зеркальных перевертышей» и диковинных ландшафтов Шемали, размышляющие о ее поразительных особенностях. Филипп прикидывал, сообщить ли Томаху о встрече с «зеркалом» на Земле, но решил повременить, сначала изучив феномен «перевертыша», хотя его и поразила полная идентичность явлений. Он не придавал значения серьезности того, о чем предупредил Тектуманидзе, такая мера ответственности была ему пока не по плечу.

Филипп продиктовал дежурному бортиженеру «Тиртханкара» список необходимой аппаратуры, которой не оказалось у гостеприимных хозяев, и в ожидании ее прибытия решил еще немного побродить в окрестностях лагеря. Томах с Богдановым на антригравах отбыли на корабль, так что новоиспеченный эксперт остался в одиночестве, предоставленный самому себе.

У лагеря он, к своему удивлению, встретил Аларику. Разговора не получилось: она явно хотела остаться одна, а Филипп так остро чувствовал это ее желание, что вовремя остановил язык, готовый завести куда угодно. Во взгляде Аларики мелькнула благодарность, она оценила его сдержанность. Они разошлись в разные стороны, хотя Филиппу как никогда ранее хотелось многое поведать и многое услышать в ответ. Дразнящая женственная красота Аларики, которую не портил даже черный костюм, превративший ее в лукавую ведьму из старинных сказаний, разбредила душу, и, чтобы восстановить утраченное душевное равновесие, Филипп заставил тело работать физически – взобрался на вал древней морены, превращенный выветриванием в стену бастиона с башнями и бойницами. И обнаружил здесь еще одно «зеркало». Воровато оглянувшись, сунул руку в гладкую плоскость. Рука исчезла. Ни тепло, ни холодно. Филипп попытался выдернуть ее обратно – не тут-то было! Впечатление такое, что рука вмурована в монолит! Вперед – пожалуйста, а назад – легче отрезать. Потоптавшись

у «зеркала», понимая, что выглядит со стороны смешно, он вынужден был пройти «перевертыш» и вышел обратно без всяких вторичных эффектов – кроме задержки во времени (на двадцать две минуты, как он узнал потом).

Вспомнив замечание Станислава, Филипп посмотрел на лагерь, и странное подозрение зародилось в мозгу – с этой точки лагеря также просматривался великолепно!

Эксперт оперся рукой о камень и невидяще уставился на какое-то тщедушное существо, уползавшее под защиту каменного козырька. Черт возьми! Развивая мысль Славы, «зеркала» можно представить как своеобразные следящие устройства! С туннельным пространственным эффектом. Но кому это нужно – следить за лагерем! Аборигенам? Чушь! Планета признана необитаемой... Тогда кому?

Филипп поморщился, а подозрение уже крепло, превращалось в уверенность: не чушь, не чушь! Недаром и Шалва связал события – грузы и «зеркальные перевертыши». И Земля тоже, случаи-то уже не единичные! Сначала на Истории, теперь на Шемали, да и дома, на Земле, хотя непонятно, за кем там следить? За ним, Филиппом? Невелика шишка... А может быть, совпадения? С чего это у него вдруг заиграло воображение? Как там говорил Слава: эксперт должен быть выдержанным и многозначительно немногословным... если нечего сказать.

Он усмехнулся, сделал шаг и... шархнулся в сторону: ползущее лохматое существо, похожее на шапку-ушанку, вдруг подпрыгнуло, плюнуло в его сторону чем-то желтым и издало такой дикий вопль, что с минуту со всех сторон доносилось каркающее эхо.

Существо как ни в чем не бывало опустилось на камни и поползло прочь, не сводя с замершего человека несколько пар глаз-бусинок.

– Однако! – пробормотал оглохший Филипп и вежливо приподнял несуществующую шляпу. – Простите, сэръ, я вас, кажется, напугал? Но и вы в долгу не остались, так что дуэли не будет.

Засмеявшись, он повернул назад, прыгая с камня на камень, спустился к подножию «крепостной стены», еще раз посмотрелся в «зеркало», невозмутимо отражающее желтый пламень неба, и припустил к таким же чистым и желтым куполам лагеря.

Три дня провел Филипп возле таинственных «зеркальных перевертышей». Ему помогали инженеры «Тиртханкара», неразговорчивые парни, понимающие друг друга с полуслова, и Томах.

На исходе вторых суток при погружении в «зеркало» универсального всеволнового измерителя внезапно сработал один из малых ТФ-трассеров, несмотря на «малость», весивший на Шемали вместе с гравитационной антенной около трех тонн. ТФ-трассеры применялись на космолетах для определения координат выхода корабля из ТФ-канала, Филипп настоял взять два аппарата скорее из упрямыства, чем по необходимости, все-таки тайм-фаговая аппаратура была его слабостью, и вот один из взятых с собой трассеров выкинул красный сигнал.

Филипп сначала даже не поверил глазам, узрев сигнал, но раздавшийся вслед за этим гудок заставил его подскочить к пирамиде трассера.

– Эхо! – растерянно сказал он, заметив вопросительный взгляд Томаха. – Трассер обнаружил волновое эхо в пространстве! Кто-то где-то рядом только что провел сеанс ТФ-связи!

– Точно, – подтвердил один из инженеров, подходя к трассеру и наклоняясь над плечом Филиппа. – Трассер обнаружил тайм-фаговый «след», еще тепленький.

– Ну и что? – сказал Томах. – «Тиртханкар» передал на Землю ТФ-депешу... или Вернигора разговаривал с Землей.

Филипп отрицательно мотнул головой.

– Частоты наших каналов ТФ-связи лежат далеко в стороне от принятого «эха». Да и мощность невелика... Кстати, почему-то не сработал второй трассер, странно...

– Ничего странного, – сказал инженер. – Диапазон частот второго на порядок меньше, вы же видите класс. Мы используем его только для определения фона и грубой ориентации в евклидовом пространстве.

Филипп вспомнил свои странные предположения, и сердце снова сжала холодная лапа тревоги. Он бегло просмотрел данные, полученные с помощью многочисленных датчиков, измерителей полей и другой аппаратуры, высвеченные на терминале компьютер-координатора исследовательского комплекса, и решил поговорить с Томахом. Но Станислав сам подошел к нему, удивительным образом уловив его смятение: лица людей скрывались под масками и мимику лица Филиппа он видеть не мог.

– Что-нибудь случилось? Ты какой-то растерянный.

Филипп невольно посмотрел на блистающее «зеркало».

– Отойдем, – решил Томах и отвел его в сторону. – Рассказывай. Что, встречал «зеркальные перевертыши» раньше? Я видел, как ты реагировал на эффектный вход Вернигоры в «зеркало».

– Мне кажется, точно такое же сначала появилось на Земле. – Филипп рассказал о своей встрече с «зеркалом», которое он принял за видеопризрак «динго».

– М-да. – Станислав по-новому взглянул на друга. – Интересный крен получается. Сначала Никите на Земле повстречалось «зеркало», теперь, оказывается, и тебе тоже...

– Никите?! Когда?

– В тот вечер, когда нас собирал Керри. Его «прыгунок» врезался в нечто напоминающее «зеркальную стену» и... оказался развернутым на сто восемьдесят градусов без всякого ущерба. Из-за этой встречи Никита и опоздал, помнишь? «Зеркало» держало его около пятидесяти минут.

– Вот так номер! Что же это означает?

– Только одно, мой друг, – за нами кто-то установил наблюдение. Ведь если я тебя правильно понял насчет «эха», «зеркало» только что передало сообщение, так?

– Примерно так. Никогда не думал, что такое возможно! В таком случае «зеркальные перевертыши» суть тайм-фаговые станции с негативным выходом и временной задержкой, иными словами – накопители-передатчики информации. Они явно не имеют своих энергопитающих систем и тем не менее не связаны со своими хозяевами все время ТФ-каналами, а выдают информацию только при облучении. Направленная ТФ-волна инициирует их и «снимает» запасенную информацию. Только в этом случае энергия им не нужна. Зато теперь мы можем попытаться запеленговать их ТФ-передатчик, надо только разработать и изготовить на основе трассеров пеленгационную аппаратуру в нужных диапазонах и с необходимой чувствительностью. Одно мне непонятно: зачем «зеркалам» такие экзотические свойства? Имею в виду «вывертывание наизнанку».

Станислав хмыкнул, оглянулся на «зеркало», равнодушное ко всему, как казалось недавно, вздохнул:

Драгоценное зеркало ждет,
Чтобы в нем отразился цветок,
Но об этом узнает лишь тот,
Жду кого я в назначенный срок!¹⁴

Филипп озадаченно посмотрел на спасателя.

Томах улыбнулся глазами.

¹⁴ Вэнь Тинъюнь. «Мелодия Пусамань».

– Учись удивляться спокойно, эксперт... хотя твои предположения несут больше вопросов, чем ответов. Да, «зеркала», вероятно, следящие устройства. Но чьи? На Шемали нет и не было разума, как и на Истории, кстати. – Томах задумался на мгновение. – Ты не обижайся, в твоей компетентности никто не сомневается, но... не ошибаешься ли ты?

Филипп улыбнулся, собираясь ответить, что обижаться тут не на что и надо будет, конечно, не раз проверить новые свойства «зеркал», но Томах угадал его мысли и благодарно сжал руку.

– А не напрасно мы тебя взяли, ей-Богу! Помог ты нам здорово! Но все-таки постарайся проверить свои выводы, а?

– Буду ждать следующего «эха», – сказал Филипп; ему, конечно, давно осточертели мрачные, подавляющие психику пейзажи Шемали, хотелось скорее очутиться на Земле, окунуться в привычную атмосферу забот, тренировок и творческого поиска в «мыслительном» центре ТФ-института, но вслух он этого не сказал.

«Тиртханкар» вернулся на Землю лишь спустя две недели после разгадки тайны «зеркальных перевертышей», относительной, разумеется: свойства «выворачивателя» остались неразгаданными. Повторные, более тонкие измерения полей вокруг них, а также вблизи «звезды Ромашина», бесстрастно продолжавшей высвечивать «нотную гамму», не подтвердили и не опровергли пассивные следящие системы, выдающие ответ при облучении их ТФ-полем. Кем они были установлены и с какой целью, осталось также неизвестным. Вернее, можно было догадаться, что целью неведомых любопытных, получивших собирательное название Наблюдатель, является слежение за действиями исследовательских групп на Истории и Шемали («зеркала» на Истории изучали «настоящие» эксперты управления, об этом Филипп узнал от Томаха уже на Земле), но так ли это на самом деле, никто наверняка знать не мог. К сожалению, запеленговать передачи хозяев «зеркал» не удалось: во-первых, потому что чувствительность имеющейся в распоряжении людей аппаратуры была на два порядка ниже, чем следовало, во-вторых, работала она в узкой полосе спектра и, в-третьих, «зеркала» вскоре исчезли, сначала на Шемали, потом на Истории. Как они образовывались – то ли вырастали, как живые существа или растения, то ли передавались по ТФ-каналу с планет Наблюдателя – физики установить не могли.

Но отделу безопасности УАСС это обстоятельство не помешало пробить тревогу, и полетели во все концы контролируемого космоса, на периферию исследуемой зоны ТФ-депеш и о странных явлениях в пограничных ее слоях, на переднем крае неизведанного, где появлялись пока только земные разведкорабли, и напряглась в настороженном молчании, чутко вслушиваясь и всматриваясь в поле тьмы непознанных пространств, гигантская защитная система человеческой цивилизации...

Глава 3 ФОРМУЛА

Под утро ему приснился сон, будто сдает он экзамен на сертификат работника аварийно-спасательной службы и принимают этот экзамен четверо: обстоятельный, деловой Керри Йос, сдержанный Никита Богданов, угрюмый Бассард и Аларика... Подробностей сна Филипп не запомнил, осталось ощущение стыда, неудачи и тревоги, но тело было легким, послушным, хотелось дышать, двигаться, есть и работать, одним словом, жить.

После возвращения с окраин освоенного космоса, куда закинул его неожиданный зигзаг судьбы, Филипп не вспахивал память плугом пережитых событий, но она сама давала о себе знать: то мигающей алой лампой над колпаком патрульного куттера, принадлежащего УАСС, то картиной видеопласта, включающегося по утрам и выдающего иногда пейзажи Шемали.

Филипп повернул голову. Дальняя стена комнаты отсутствовала, вместо нее уходила к горизонту холмистая, поросшая сосновым бором равнина, а над одним из холмов парила голубовато-белая пирамида, сверкающая тысячью поляроидных окон. Сегодня домашний координатор, повинувшись неосознанным командам мозга в последние минуты сна, выдал вид с высоты на здание Института ТФ-связи, и Филипп понял, что соскучился по работе, по своему уютному конструкторскому «аквариуму», по грустной физиономии Кирилла Травицкого. Конечно, было еще и желание выйти на площадку, но оно ушло на второй план – тело и так каждый день получало свою дозу упражнений, потому что без самотренировки любой спортсмен потерял бы форму в три дня. А мозг – мозг можно было тренировать только в привычных условиях, во всяком случае, Филипп не знал иного способа получить неограниченную власть над собственной мыслью, машинной памятью и быстротой операций, исследовать сразу несколько десятков вариантов, анализировать, отбирать самые перспективные из них и наконец найти один-единственный, дающий право называться конструктором-профессионалом и синектором.

Сорок минут Филипп уделил отработке суплеса, использовав общественный гимнастический зал, занимающий верхний этаж дома, постоял под ионизированным душем и долго рассматривал себя в зеркале, пытаясь угадать в себе те черты, которые, по его мнению, были присущи спасателям и особенно безопасникам. Не найдя таковых, он вернулся в спальню, включил сумматор моды, поставив регулятор в положение «рабочая одежда», и извлек из приемной камеры прямые светло-серые брюки, такую же рубашку с широкими рукавами и серые сандалии с серебристым узором, напоминающим стремительный росчерк молнии. Хмыкнув – мода общества не претерпела изменений за те три недели, что он отсутствовал, – Филипп натянул костюм, закрыл дверь квартиры и поднялся пешком до ближайшей остановки метро. С крыши открывался вид на вольный простор подмосковных лесов, искристая лента Москвы-реки пересекала березово-хвойную их шкуру и пряталась за холмами, сверкали над вершинами сосен шпили, ажурные башни и ртутно-прозрачные колонны Басова, и весь этот зеленый, теплый, насыщенный дремотным покоем летний пейзаж охватывал со всех сторон чистый голубой купол неба, пронизанный над горизонтом раскаленным взглядом смеющегося, умытого росой солнца.

Уже в воздухе Филипп, спохватившись, вызвал по видео Томаха, но тот не отзывался: то ли спал, то ли, наоборот, работал, а может быть, его вообще не было в данный момент на Земле.

«Работает, наверное – подумал Филипп. – У них там теперь много проблем: «зеркальные перевертыши», исчезновение грузов, Наблюдатель, странные мигающие «звезды» на панелях аппаратуры... Не забыть бы подробнее рассказать о своей встрече с «зеркалом»... Хотя, возможно, это все-таки чья-то шутка с «динго»... Да, придется Славе попотеть с этим делом. И вообще у него просто оперативная работа – не позавидуешь! Это какое же надо иметь терпение, чтобы работать даже в моменты отдыха!.. Интересно, справился бы я с такой работой? Если

бы можно было попробовать, а не получится – беззаботно махнуть рукой и спокойно заняться своим прежним делом... Наверное, Слава бы понял, но есть другие... Хотя, кроме прочих, есть свое собственное «я», у которого наличествует гордость и прочие психологические кунштюки. За дело надо сразу браться всерьез или не браться совсем... Любопытно, удовлетворила ли моя помощь УАСС? Тектуманидзе как будто был доволен, а Керри Йос?.. И еще не забыть бы спросить у Славы, похожа ли эмблема квартирьеров на след человека, или я снова видел «странное»...»

В третьей расчетной лаборатории отдела работали двое, мужчина и женщина, но его комбайн никто не занял.

«Прекрасно! Значит, Травицкий меня ждет. Где он, кстати? Надо бы узнать, не решил ли кто-нибудь вместо меня мою прежнюю проблему».

Автомат нашел ведущего конструктора в чьей-то пустой лаборатории возле работающего комбайна. Кирилл поднял голову от пульта вычислителя, и взгляд его потеплел.

– Вернулся? Все в порядке?

– У меня – да, у них – не знаю.

– У них – это в управлении спасателей?

– В отделе безопасности.

Травицкий знакомым нерешительным жестом потерел мочку уха, слабо и грустно улыбнулся.

– Ну, когда у них было все в порядке – не та служба... Я спрашивал про тебя, но ты, оказывается, был очень далеко. Если все хорошо, приступай к работе, темой твоей никто не занимался.

Филипп выдержал его пытливый и добрый взгляд, теплая волна странной стеснительной нежности вошла в него с этим взглядом и вызвала ответную нежность и резь в глазах – реакция на любовь со стороны этого маленького, терпеливого, всегда почему-то грустного человека. И Филипп вдруг с раскаянием подумал: почему он ничего, ну совсем ничего не знает о Травицком? Может, Кирилл пережил какое-то горе, мучившее его до сих пор? Может быть, у него что-то случилось в семье? Ведь и теперь, как и сто, и двести лет назад человек не застрахован от неурядиц в личной жизни. Да и вообще есть ли у него семья?.. Казалось бы – кто ему Филипп? Инженер-конструктор, подчиненный по общественному рангу, а значит, пока и по таланту, посторонний человек, приходящий на работу в зависимости от эмоционального состояния... Но нет! Почему же тогда нежность в глазах? И радость тоже? Почему?..

– Вызывай, если понадобится, я тут занимаюсь мелким ремонтом. – Травицкий погасил улыбку, кивнул и углубился в настройку комбайна.

Филипп включил виом, покосился на соседей – они полулежали в креслах с закрытыми глазами, спрятав головы в сетках эмканов, в то время как эмканы мыслепроекторов перед ними то взрывались потоком схем, то потухали, чтобы вспыхнуть снова, и надел свой голубой эмкан.

Сначала пришло ощущение легкости тела – это включился контур стенэмоциатора, стимулирующий положительные эмоции. Потом тело вдруг выросло в объеме, возникло чувство колоссального знания – подключились блоки памяти вычислительной и информационной машин. Вычислитель и киб-информатор в институте был один на всех работающих, из-за чего его называли Умником; это был киб-интеллект, способный не только вычислять и выдавать информацию, но и быть умным собеседником, но работал он в режиме разделения времени, и каждый из включившихся в цепь считал машину безраздельно принадлежащей ему.

Последним сработал мыслерапид – ускоритель мышления, и для Филиппа минута превратилась в час. Он без труда вызвал в памяти конструкцию тайм-фага, сосредоточил внимание на антенне, закрепил ее изображение на эмкане и представил, что он – невидимый, неслышимый и неосязаемый сгусток ТФ-поля, возбужденный в антенне и готовый прыгнуть в пространство...

Решение зрело постепенно, от одного цикла расчетов к другому. Филипп, оторванный на время от привычного ритма и порядка, с жадностью ворвался в проблему и «крушил» физические и субъективные препятствия фантазией и натиском всей запасенной эмоциональной энергии, готовый отменить, если потребуется, любые законы природы. Наконец решение созрело окончательно, но оно оказалось неожиданным даже для самого конструктора.

Филипп просидел оглушенным несколько бесконечно длинных секунд, потом с яростью принялся за проверку основных положений расчета. Однако проделать анализ до конца не успел: мир вдруг сжался до размеров комнаты, пропало ощущение небывалой власти над временем, над запасами знаний, отданных ему машиной... Очнувшись, он увидел на пульте красное светящееся табло: «Предел психонагрузки!» – и понял, что сработал таймер и отключил его от машины.

Сразу навалилась усталость, в ушах зашумело, словно дождь по сухим листьям. Филипп откинулся в кресле, мельком заметив, что в лаборатории он один: соседи – Леонид Угловский и Лия Бексултанова, очевидно, отработали свои задачи и ушли, они всегда уходили вместе.

«Сколько же времени я работал?.. Хм, всего-то три часа с четвертью, а устал – как будто ворочал десятипудовые мешки! Или мое решение стоит того?»

В экранном объеме дисплея красовалось его творение – антенна тайм-фаговой связи, преодолевающей практически мгновенно межзвездные расстояния. Только теперь вместо двух параллельных колец она имела вид тонкой иглы с зонтикообразным ушком. Формула, выведенная Филиппом, утверждала, что такая антенна выигрывает в мощности около шестидесяти процентов против прежней и позволяет перебрасывать любые массы на любые расстояния без промежуточных станций! И это было еще не все: в формуле потенциально скрывалось решение, от которого буквально захватывало дух, но проанализировать его у Филиппа уже не хватило сил. Решением этим была возможность обходиться вообще без антенн, а это значит – и без тысяч передатчиков и приемников, то есть без тайм-фагов! Любой человек мог бы путешествовать через космос с помощью мыслеприказа; усиленного, конечно, соответствующей аппаратурой – без нее обойтись было еще невозможно. Управление ТФ-полем оказывалось энергетически несложным, потому что ТФ-поле – это не силовое физическое поле, а топологическое свойство...

«Стоп-стоп, – сказал сам себе Филипп, – где-то я уже говорил нечто подобное, а раз повторяюсь, следовательно, устал. Не будем спешить с выводами, позволим только один: иногда полезно пережить впечатления, на которые не рассчитывал, сменить ритм жизни и характер нагрузки. Банальная, древняя, но мудрая истина...»

Он записал формулу в память машины и стер изображение антенны на экране, потом зажег стандартный сигнал: «Вычислитель свободен».

А собственная память все еще сопротивлялась выключению из работы, все еще перебирала этапы конструирования, и перед мысленным взором исследователя проплывали вереницы замысловатых конструкций, многоэтажные формулы различных состояний вакуума, пока наконец не осталось одно видение: летящий сквозь космос, подобно лучу света, человек в огненном комбинезоне с маленьким диском на поясе – это все, что осталось от громад ТФ-станций, вместившихся в несколько кубических сантиметров! ТФ-блок... Индивидуальный ТФ-блочок вместо ТФ-станции...

– Завтра, завтра, – пробормотал Филипп, вставая и выходя из лаборатории, – хорошего понемножку...

Он не заметил, что из соседней комнаты вышел Травицкий и проводил его долгим взглядом, в котором было больше тревоги, чем удивления.

Дома Филипп принял душ, сняв интеллектуальную усталость, и его потянуло в спортзал. Однако время только-только перешагнуло за полдень, да и была ли сегодня тренировка, он не знал. Пришлось набирать телекс спорткомитета и узнавать расписание тренировок сборной

Земли. Оказалось, что тренировки проходят в спортзалах комплекса «Победа» в Петербурге через день, начиная с понедельника, а сегодня был четверг.

Филипп огорчился, потом решил обзвонить друзей и тем повысить тонус. Но и здесь его ждала неудача: Ивара Гладышева не было дома, как и его жены, и домашний координатор пообещал, как только они вернутся, сообщить Ивару о видеовизите. Солинда тоже найти не удалось, автомат объявил, что тренер улетел куда-то к внешним планетам и не оставил координат. Филипп слегка удивился – Солинд редко покидал пределы Земли, да и то лишь в случае межпланетных соревнований и первенств мира, как по традиции называлось первенство Солнечной системы.

Задумавшись, молодой человек выбрал в пенале музфона кристалл с записью и вставил в приемник. Комнату заполнил пульсирующий звенящий ритм, в который вплетался тонкий человеческий голос. Звук был объемным, мягким и отзывался во всем теле волнами удовольствия. Ритм в музыке всегда был основой положительных эмоций, а перуанская группа «Инки» в последние годы считалась непревзойденной исполнительницей ритмичных музыкальных произведений, центральным сюжетом которых были старинные национальные мелодии. Филиппу эти мелодии доставляли истинное наслаждение, но слушать их одному не хотелось. И вообще ничего не хотелось, и к людям особенно не тянуло, и проводить время в одиночестве не было желания.

И тут ему пришла в голову идея позвонить Аларике. Почему бы и нет? Что в этом особенного? Бывший эксперт УАСС звонит знакомой сотруднице медсектора УАСС узнать, как ее здоровье и вообще.

Филипп улыбнулся, но мысль уже заработала, а вместе с ней и сердце, и он в конце концов решил не звонить, а повидать Аларику наяву. Он быстро набрал телекс диспетчера информационного сектора УАСС, данный ему Станиславом, и спросил, где можно найти Аларику Консолата, дежурно-экспедиционного врача.

– Ваши координаты? – оживился диспетчер.

– Мои? – растерялся Филипп и понял. – А-а, вызов личный, не беспокойтесь, ничего у меня не случилось.

Диспетчер сделал строгое лицо (парню сравнялось от силы двадцать лет, видимо, стажер) и с минуту что-то искал на пульте селектора. Потом сухо продиктовал адрес Аларики и отключился.

– Институт видеопластики... – пробормотал сбитый с толку Филипп. – Причем тут видеопластика?

Но делать было нечего. Диспетчер не стал объяснять, что делает Аларика на Луне, в Геоградском институте видеопластики, а запрашивать его вторично не хотелось. Филипп бесцельно побродил по комнатам, прибрал на кухне и с грустью, задержавшись на пороге, подумал: «Правы мыслители прошлого, мы никогда не бываем у себя дома, мы всегда пребываем где-то вовне. И все же дом для нас – частица нас самих, просто для одного он равен размерам комнаты, а для другого – всей Земли, а есть, наверное, и такие бродяги, для которых дом – космос... Странно, однако, меня почему-то тянет именно сюда, где я вырос, а не в другую географическую точку, где я имел бы такую же квартиру или по желанию две... Своего рода атавизм? Отомрет ли он когда-нибудь, или Земля для нас всех – дом космического масштаба, запрограммированный эволюцией для «конца света»?»

В комнате смолкла музыка, и Филипп тихо закрыл за собой дверь, впервые покидая дом как доброго и ласкового друга, которому предстояло провести время до ночи в одиночестве.

Решив испытать судьбу, Филипп наугад набрал код лунного метро и оказался на седьмой станции метро Луны, которая располагалась на западном побережье Моря Ясности. Поскольку Геоград вырос на востоке, в кратере Лемонье, Филиппу, пережившему мимолетное разочарование – он рассчитывал «по зову души» попасть в Геоград сразу, – пришлось брать на сто-

янке вакуумплотный, способный летать в безвоздушном пространстве куттер и в течение пятнадцати минут полета терпеть скудные «удобства» рейса. Но этот транспорт он выбрал сам, чтобы рассмотреть с высоты птичьего полета древний лик естественного спутника Земли.

За последние полстолетия не раз выдвигались проекты заселения Луны и снабжения ее атмосферой, как у Марса, однако идеальные условия наблюдений за космосом для астрономов и лечебной профилактики для медиков каждый раз брали верх над экономическим эффектом расчетов в проектах, и Луна до сих пор оставалась такой, какой была тысячи и миллионы лет назад: прокаленной солнцем, высушенной холодом пространства, безводной и безатмосферной. Но мертвой назвать ее было уже нельзя. Глаз то и дело выхватывал с высоты гигантские чаши и параболоиды антенн радиотелескопов, стеклополя надземных медцентров, домов отдыха и лабораторий всевозможного назначения, которым слабое лунное притяжение было более выгодно, чем земное.

Вскоре куттер, повинувшись командам общего для данного сектора Луны центра автоматического управления транспортом, плавно пошел вниз, и среди гигантских борозд Литтров и Шакорнак Филипп увидел пятидесятикилометровый кратер Лемонье, в середине которого блеснул серебром широкий десятикилометровый конус Геограда. За ним вздымались сильно расчлененные и испещренные кратерами горы Тавр, но Филипп не успел разглядеть их как следует. Куттер нырнул к стремительно растущему конусу, звякнул предупреждающий звонок, на пульте мигнул красный огонек – аппарат миновал силовой приемник-окно в оболочке Геограда, мелькнули по сторонам какие-то конструкции, и почти без толчка аппарат остановился. Отскочил на замках колпак кабины, Филипп, оглядываясь по сторонам, вылез на круглую белую площадку причала и увидел в десятке метров на небольшом постаменте странную машину с восемью ажурных колесах, похожую на бак с откинутой крышкой. Заинтересовавшись, подошел и прочитал на боку машины: «Луноход-2, СССР, 16 января 1973 года».

Памятник, догадался он, памятник первопроходцам Луны. В Геограде, значит, установили памятник луноходу. В Радуге – насколько помнится, первой автоматической станции «Луна-9», в Орле – «Аполлону-11», в Сервейере... забыл! Надо же, забыл, кому там памятник поставили...

Филипп отметил время и заторопился к кабине монора.

Притяжение в Геограде с восьми часов «утра» до четырех часов «дня» устанавливалось равным земному – человеческий организм требовал привычную порцию тяготения, зато с четырех часов и до позднего вечера начиналось время отдыха, а помноженное на восхитительное чувство легкости оно давало полное отдохновение и радость человеку. Филипп не раз бывал на спутнике Земли, сам испытывал это чувство и давно понял, почему Высший координационный совет Земли (ВКС) не дает согласия на технизацию и экологическую перестройку планеты, она была нужна как база отдыха, и моральная сторона дела играла здесь главную роль.

Бесшумный мотор, совсем пустой – в Геограде, как и везде, на Луне и на Земле, любили ходить пешком, транспортом пользовались редко, лишь в тех случаях, когда кто-то куда-то спешил, как сейчас Филипп, – доставил его к Институту видеопластики, невысокому зданию, выстроенному в стиле «мангровый лес».

Киб-информатор сообщил ему местонахождение комнаты сто двенадцать, где в данный момент находилась Аларика Консолата, и через несколько минут, пройдя два ломаных, разного сечения коридора и никого в них не встретив, Филипп стоял перед белым прямоугольником двери с зеленым светящимся кругом номера и раздумывал – войти сразу или сначала позвонить. Ему очень захотелось сбежать отсюда, перспектива непрошеного гостя была не слишком блистательной, да и собственная выдумка с посещением перестала казаться счастливой находкой, однако решить самому Филиппу не дали: дверь внезапно и неслышно свернулась валиком влево, конструктору волей-неволей пришлось войти.

Казалось, он вышел на снежный склон одной из земных гор! Ослепительно сверкал язык ледника под солнцем, курились струйками облаков спины уходящих за горизонт гор, белое снежное поле падало в долину, упираясь в темно-зеленый гребень хвойного леса... Но не это остановило Филиппа: прямо перед ним врезалось в ледяную шею хребта глубокое черное окно пещеры, в окне текла звездная вуаль, и по этой вуали шагала женщина в сияющем белом платье... Это была Аларика!

Вдруг панорама заснеженных гор исчезла, появилась обстановка модельной видеомастерской, напоминающей убранством конструкторскую лабораторию: вделанные в стены экраны мыслепроекторов, кресла, опутанные ажурными конструкциями, аппаратные стойки, видеопроекторы, подставки для голографических скульптур, музыкальные устройства... Одно не исчезло – черное, как вход в преисподнюю, окно и женщина в белом платье, шагающая по звездам... Она смотрела на пришельца строго и испытующе, словно спрашивала, зачем он сюда явился.

Послышался тихий низкий смех.

Филипп оглянулся и увидел вторую Аларику, только одетую иначе – в голубую кофточку, такую же юбку с черной каймой.

Снова прозвучал низкий смех женщины.

– Что, нравится?

Филипп кивнул.

– Видеопласт?

– Конечно. Работа одного из наших дипломантов-дизайнеров на конкурс земного худсовета «Жизнь в космосе», он почему-то решил изобразить меня в качестве прототипа, и вот результат. Правда, он говорит – незавершенный.

Филипп кивнул снова, переживая вдруг приступ ревности, и позавидовал художнику – тот мог любоваться Аларикой каждый день.

– Ангел в поле тьмы, – пробормотал он.

Аларика, прищурясь, посмотрела на него.

– Стихи?

Филипп продекламировал:

По небу полуночи ангел летел

И тихую песню он пел...

В глазах женщины мелькнуло удивление, она улыбнулась и закончила:

И месяц, и звезды, и тучи толпой

Внимали той песне святой.

– Лермонтов. Ты любишь Лермонтова?

Она подошла к пульту, провела рукой над датчиком программ, и объемная видекартина разбилась на огненные осколки.

– Я не знаю. Кстати, как ты меня нашел? Впрочем, наверное, через диспетчера, хотя не понимаю, почему он дал мои координаты постороннему человеку.

Это «постороннему» больно кольнуло Филиппа, и он даже сделал движение к двери, но Аларика опередила:

– Проходи, коль зашел, садись. Еще несколько минут, и ты меня не застал бы. Что стряслось?

Филипп сел напротив, стараясь не смотреть на спокойное красивое лицо женщины.

– Ничего не стряслось. Просто захотел тебя увидеть. Если ты торопишься, я могу уйти.

Она качнула головой, открыто рассматривая его.

– Не спешу. Просто на сегодня работа моя закончена.

Помолчали. Филипп перестал награждать себя в душе нелестными эпитетами, осмотрелся, потом начал рассматривать Аларику.

– Ты не женат? – наконец спросила она, удовлетворенная осмотром.

– Нет.

– И не был?

– Нет. – Он слегка улыбнулся. – Не из-за тебя...

– Верю.

Снова помолчали. Потом Филипп обвел глазами комнату.

– Почему ты здесь?

– Потому что я, кроме всего прочего, еще и художник-видеопластик. Год назад окончила ПИЭ – Петербургский институт эстетики.

– Я не знал.

– Ты многого не знал. Например...

– Что твой муж, Сергей Ребров, два года назад...

– Не надо об этом, я не то хотела сказать. Его смерть мало что меняет.

Филипп заставил себя промолчать. Аларика хотела казаться независимой и счастливой, но не следовало опускаться до словесных опровержений ее неправоты. Пять лет назад он слишком много говорил... И все-таки до чего же она красива! И недоступна!

– Устал от космических путешествий? Все же незапланированные мероприятия. Как тебе показалась работа спасателей-безопасников?

– По-моему, однообразна и утомительна.

Аларика снова засмеялась знакомым грудным смехом. Давно он не слышал этого смеха – вечность!

– Специфика работы безопасников весьма далека от молвы. Их работа не так заметна, как работа линейных спасательных отрядов. Надеюсь, из формы ты не вышел? Ты ведь всегда так пекся о своей форме...

Знакомые выпады, знакомые интонации... Все возвращается на круги своя... все ли?

– Из формы я, конечно, вышел, все-таки потерял уйму тренировок. Наверстаю.

– Не сомневаюсь. Май говорил, что ты пиккер...

– Кто-кто?

– Пиккер, это его собственное словотворчество, означает – спортсмен, зависящий от совпадения пиков формы: физической, психической, эмоциональной, интеллектуальной.

Филипп с интересом посмотрел на Аларику.

– Май – это Ребров? К сожалению, он мне сказал, что это отрицательное качество для спортсмена и от него надо избавиться.

– Разве ты сам думаешь иначе?

Теперь уже засмеялся он.

– Ого! Ты снисходишь до разговора о спорте! Это явный прогресс! Кстати, твое появление в зале во время игры было для меня настолько неожиданным, что я чуть не сошел с дистанции.

На мгновение лицо Аларики стало холодным, чужим. Только на мгновение. Она отвернулась и сказала своим низким контральто, совсем спокойно, как о пустяке:

– Просто Сергей думал о спорте так же, как и ты, хотя у него была иная цель в жизни.

– Интересно. – Филипп хмыкнул. – Ты знаешь мою цель? Какова же она?

Аларика встала и прошла по комнате, касаясь рукой расставленной аппаратуры. Филипп невольно zalюбовался ее фигурой и не успел отвести глаза – женщина в упор посмотрела на него:

– Твоя цель – просто жить! Не так ли? Не уверяй меня в обратном, не поверю, хотя я была бы рада... – Она смолкла и снова села напротив. – Я бы поняла тебя, если бы ты стремился стать великим спортсменом или великим конструктором, честолюбия нет только у дураков и мертвых, но просто жить... Извини, не понимаю.

Тягостное молчание погасило разговор, как дождь гасит угли костра.

Филипп думал над словами Аларики, причем без обиды, что удивляло его самого, и усмирял интуицию, подсказывающую ему самые сказочные варианты дальнейших встреч с ней. Однако трезвый рассудок видел все в ином свете.

– Ты, наверное, права, – сказал он медленно через некоторое время. – Не во всем, конечно. Честолюбие у меня, к примеру, имеется. Говорят, я неплохой спортсмен и талантливый конструктор... Не знаю, как насчет таланта, но я действительно кое-чего стою. И все же это не то, по-твоему... Так? Дай мне подумать. Может быть, я тебя пойму...

– Подумай. – Аларика кивнула, в глазах ее снова мелькнуло удивление. Но Филипп слишком хорошо знал эти глаза, чтобы обмануться в выводах. И все же пять лет – не могли же они не изменить ее хотя бы в малом?..

– Что бы ты хотел посмотреть у нас? – Она взглянула на браслет видео, показавший лунное время.

– Если не возражаешь, запиши на мое видео ту картинку, где ты шагаешь по леднику.

– Ну, если ты хочешь...

Филипп снял браслет и отдал Аларике. Та вставила его в нишу копира, коснулась нескольких сенсоров, подкрутила лимб настройки.

– Вот и все, держи. Правда, не знаю, зачем он тебе.

– Отвечать, надеюсь, необязательно, – пробормотал Филипп, надевая браслет. – Спасибо. Когда-то много лет назад после изобретения фотографии говорили, что умрет искусство живописи. С изобретением голографии говорили, что умрет искусство скульптуры... Я не великий знаток искусства видеопластики, но этот твой портрет, по-моему, подлинный шедевр!

– Если бы твои слова слышал Григорий, творец портрета, он был бы польщен.

Разговор иссяк. Время ощутимо утекало сквозь пространство, разъединяющее их. Оно было густым и красным, как лава, текущая по склону вулкана. Филиппу стало жарко и неудобно, хотя ему казалось, что он давно научился не теряться в любых обстоятельствах.

– Над чем ты работаешь? – спросил он, чувствуя, как ускользает куда-то нить понимания, соединившая их несколько минут назад. – И как тебе удастся совмещать работу дежурного врача и художника?

– А как ты совмещаешь спорт и работу конструктора?

– Не знаю, – улыбнулся Филипп. «Умница! – подумал он. – Как давно мы не разговаривали в таком ключе! К сожалению, пять лет назад я не углядел за ее внешностью серьезности думающей женщины... а сейчас, кажется, поздно!» – И все-таки? Не думал, что твои школьные, да и институтские, опыты с объемными картинками позволят тебе стать художником.

– Я тоже не думала, это все Сергей... – Она прикусила губу. – А занимаюсь я практически видеопластикой, а не тем, чем хотелось бы. Как сейчас говорят: эстетическим оформлением замкнутых пространств. Создаю интерьеры для рабочих кабинетов, комнат отдыха, кают-компаний на космолетах дальней разведки и так далее. Нельзя сказать, что рутинная, однако... – Аларика махнула рукой и вдруг оживилась. – Зато в свободное время мы занимаемся «свободным творчеством». В данный момент ребят интересуют две темы: одна – моделирование чувственного восприятия мира, описанного в древних художественных произведениях, вторая – сравнительный поиск хомо сине ира эт студио, человека среднего, жившего в разные эпохи. Я веду вторую тему, и уже удалось кое-что раскопать. Мы с Витторио, это наш инженер-видеомоделист, провели сравнительный анализ исторических хроник и сохранившихся художественных полотен великих мастеров прошлых веков, вплоть до семнадцатого. Увы, глубже опуститься

пока не удалось, сведения о физическом облике наших предков становятся чересчур скудными. К тому же дело осложняется ярко выраженными национальными особенностями народов, разнообразием типов лиц и методов работы художников.

– В таком случае ваш «человек средний» – фикция, – произнес скептически настроенный Филипп. – Едва ли смешение типов даст нужное решение.

– К счастью, выход нашелся – женщина, – улыбнулась Аларика. – Женщина – мерило красоты и совершенства во все эпохи. Как говорят индийские тантры: «Женщина – пальцы природы и драгоценные камни мира». Отсюда и исходит наш метод.

– Но физический облик человека изменяется очень медленно, на протяжении сотен тысячелетий, а вы хотите увидеть изменения через сотни лет...

– Ты, безусловно, прав, изменения в строении человеческого тела почти незаметны за век, зато изменения в человеческой морали гораздо разительней, и наш метод определения «человека среднего» – это отношение к нему сообразно нормам морали каждого столетия.

– Теперь понятно. И что же получилось?

Аларика включила ряд темных экранов, похожих на стенные ниши, в них закружилась мгла, исчезла, оставив «живые» фигуры людей.

– Это восемнадцатый век. Слева – «узаконенный» средний тип женщины евроидной группы, справа – отображение идеала великих художников этого века: Рафаэля, Рубенса, Ван-Дейка, Карреджо, Рейсдала и других.

– М-да, – хмыкнул Филипп, рассмотрев обеих женщин в странных нарядах. – Я не скажу, что идеал в данном случае выглядит лучше «среднего»... Или у меня нет вкуса?

Аларика покачала головой.

– Твой вкус формировался нашим временем. Подожди, посмотрим дальше.

Виомы погасли, затем вспыхнули вновь.

– Это уже девятнадцатый век.

Филипп приподнял брови. В правом объеме видеопроектора он увидел знакомые черты «Девочки за столом» Жана Батиста Греза. Этот портрет он видел у Станислава Томаха дома, вернее, копию, выполненную женой Томаха.

Аларика заметила его удивление.

– Тебе знакома эта композиция?

– Жан Батист Грез, «Девочка за столом».

– Верно! – теперь уже удивилась Аларика, заинтересованная его познаниями в области искусства. – Хотя и не совсем. Мы совместили два прототипа, один – «Девочка за столом» Греза, второй – «Девушка с веером» Ренуара. Я не знала, что ты знаток живописи девятнадцатого века. И кого же ты знаешь из художников, необязательно девятнадцатого столетия?

– Джона Констебля, – подумав, ответил Филипп. – Я очень люблю пейзаж, хотя с удовольствием смотрю и портрет. Еще Шишкина, Шилова, Маулара Кенья... и много других, у меня нет ярко выраженного любимца. Ну а как дела обстоят в наш просвещенный век?

Аларика вдруг смутилась.

– Понимаешь, с нашим веком все просто и все сложно. Средний тип выбрать легче, тем более что человечество постепенно приближается к единой расе, а вот идеал...

Снова сменилось изображение в виомах.

Филипп не выдержал и засмеялся. Правый «идеальный» виом отображал Аларику, левый – тоже был чем-то на нее похож.

– Извини, – сказал он, заметив, что женщина нахмурилась, и прервал смех. – Я смеюсь, потому что невольно ожидал увидеть тебя и справа, и слева.

– Шутка ребят, – пробормотала она, отворачиваясь, и украдкой посмотрела на часы. Филипп с грустью понял, что пора уходить.

– Ты кого-то ждешь? – Он встал.

– Да, – со вздохом призналась она, убирая аппаратуру в стены мастерской, выпрямилась. – Честно говоря, я хотела, чтобы ты позвонил. Теперь уходи, за мной сейчас придут.

«Кто?» – хотел спросить он, но вместо этого спросил:

– Мы еще увидимся?

– Это будет зависеть не только от тебя.

Филипп сдержал вздох и кивнул в ответ, словно не ожидал иного.

– Тогда до связи.

– До связи, конструктор, – сказала Аларика, подавая руку, хотела что-то добавить, но передумала.

В коридоре он наткнулся на бегущего человека, прошел несколько шагов, и только потом его озарило. Он оглянулся, но мужчина уже завернул за угол, слабо пискнул входной сигнал двери.

Дома он с полчаса слушал новости космоцентра, передаваемые по каналу всемирного информвидения. Попробовал вызвать Томаха, но бесстрастный голос домашнего координатора сообщил, что Станислав не появлялся. Киб-секретарь отдела, куда осмелился позвонить Филипп, ответил лишь, что инспектор Томах на задании, но какое задание, где его выполняет Станислав – секретарь не знал или не имел права сообщать.

Филипп снова загрустил, потом вспомнил совет Травицкого и решил навестить один из любимых уголков лесной природы, дабы развеять легкую меланхолию от дум. На этот раз он выбрал Центрально-лесной заповедник, расположенный в северо-западной части Среднерусской возвышенности, на водоразделе Волги и Западной Двины.

С тех пор как погибли отец и мать, уроженцы здешних мест, Филипп не посещал заповедник и «те места, куда нет-нет по зарастающему следу уводит память прежних лет», говоря словами древнерусского поэта Глинки.

Центрально-лесной заповедник – царство елей, берез, липы, клена, вяза и ясеня. Леса Подмосковья возле Басова в основном березовые и сосновые, заповедный же лес удивительно разнообразен.

Выключив пояс антиграва, Филипп с треском вломился в чащу рябинника и жимолости, оцарапался и пошел напрямик через гибкие кусты волчьего лыка и лещины.

Напившись из родника, он долго выбирался на знакомую поляну, чуть было не зашел в болото, расшитое по краям не созревшей еще клюквой, а когда выбрался-таки на поляну в кольце берез и ольхи, замер от неожиданности. В центре бело-розовой от клевера поляны, подмяв под себя метелки иван-чая и медуницы, лежала рысь и смотрела на человека прозрачно-желтым взглядом, поводя изредка кисточками ушей.

Филипп сделал шаг вперед, рысь встала, глядя на него внимательно и спокойно, без угрозы. Так они и стояли несколько минут, оценивая друг друга, потом Филипп решил отступить – не из боязни, просто не хотелось тревожить красивого зверя, – и в этот момент с противоположной стороны поляны, метрах в ста, из подлеска сверкнул бесшумный тоненький голубой язычок. Рысь, мяукнув, подпрыгнула, свалилась в траву и осталась лежать без движения.

Немой от изумления и гнева, Филипп смотрел, как из-за деревьев вышли на поляну двое в зеленых, почти полностью маскирующих их костюмах и направились к нему. Один был молод, белобрыс, но черен от загара, сверкал улыбкой, хотя Филипп не назвал бы ее в этот момент ни доброй, ни веселой. Второму наверняка перевалило за восемьдесят, если не за все сто. Высокий, худой, он слегка сутулился, и лицо у него было не коричневое, а каменно-серое и застывшее, как ритуальная маска. В руках он держал бинокль. Молодой на ходу закидывал на плечо ремень электрокарабина.

– Вообще-то ходить одному тут небезопасно, – заметил молодой охотник вместо приветствия, подходя и осматривая рысь. – Охотничья зона. А хороший экземпляр, Влад, будет чем похвастаться. – Он разогнулся. – Как вы сюда попали?

– Разрешите посмотреть ваш карабин? – также вместо приветствия вежливо попросил Филипп.

Белобрысый удивленно посмотрел на спутника и с некоторым колебанием протянул карабин.

– Не приходилось видеть раньше?

– Приходилось, – сказал Филипп, примерился и одним ударом о землю отломал прозрачную трубу ствола.

– Да вы что?! – сделав движение к нему, с угрожающим изумлением воскликнул молодой незнакомец. – С ума сошли?!

Филипп швырнул разбитый карабин на землю, повернулся и молча пошел в лес. Белобрысый догнал его, схватил за плечо, неожиданно больно сдавил сухожилие. Филипп сбросил его руку.

– По какому праву вы это сделали? – прошипел охотник.

– Оставь его, Рон, – глуховатым голосом произнес старший. – Раз он так сделал, значит, считал, что имеет на то право.

Филипп почувствовал в его словах упрек и, повернувшись, угрюмо буркнул:

– Я же разговаривал с ней, неужели не поняли?! А ваш выстрел – это предательство в такой момент!.. Кто разрешил вам стрелять в заповедной зоне?

– Стрелять! – фыркнул молодой Рон. – Слышите, Влад? Да кто вы такой, чтобы судить наши действия?

– Кстати, насчет заповедной зоны. – Старший нагнулся, потрогал рысь за нос и выпрямился. – ВКС подписал вердикт от девятнадцатого июня, объявляющий заповедной зоной всю Землю. Так что преимуществ заповедника теперь не имеет ни один район земного шара, вернее, имеют одинаково все. А насчет стрельбы... рысь парализована, и только. И у нас есть охотничьи удостоверения. Вас устраивают мои объяснения?

– Это к делу не относится. – Молодой охотник уже успокоился и озабоченно осматривал карабин. – Надо же, отдохнули, поохотились! Нервы надо беречь, молодой человек! Излишняя впечатлительность – далеко не положительное качество. – По его тонким губам скользнула усмешка. – Знакомство с этой кошкой вплотную не прошло бы для вас даром, это только в сказках писали, что хищные звери способны стать ручными, на деле все гораздо проще и естественней. Кстати, все-таки кто вы такой?

– А вы? – в тон спросил Филипп, чувствуя на себе изучающий взгляд старика.

– Я Рональд Клитгорд, старший инспектор отдела общетранспортной инспекции, а мой друг – Владибор Дикушин, руководитель первого сектора УАСС. Член совета, кстати...

Филипп невольно взглянул на каменнолицего.

– Меня зовут Филипп Ромашин, конструктор Института ТФ-связи.

– И мастер спорта по волейболу планетарного класса, – добавил Дикушин без улыбки.

На молодого его спутника это не произвело никакого впечатления.

– Что ж, – сказал он, – не слишком приятное знакомство, но тут уж виноват случай.

– Взаимно, – сказал Филипп и холодно добавил: – Спасибо за доброту по отношению к кошке, как вы изволили выразиться, но она уже просыпается и, думаю, что вам лучше отойти от нее подальше. Рыси не любят тех, кто причиняет им боль.

Клитгорд и Дикушин озабоченно посмотрели на шевельнувшегося зверя, но не тронулись с места, и Филипп понял, что эти люди в чем-то превосходят его, хотя он и не чувствовал к ним расположения. Было ли это превосходство ума или превосходство знания, он не знал, но это глубоко уязвило его и заставило задуматься.

Махнув на прощание рукой, он включил антиграв и пологой дугой поднялся в воздух, словно подхваченное ветром семя одуванчика. Через полчаса стремительного полета сквозь тугой, гудящий колоколом воздух к ближайшей станции метро он вдруг открыл, в чем было превосходство новых знакомых: в уверенности! Уверенности в том, что они правы, в сдержанности и, может быть, в великодушии.

«Ладно, – сказал он себе сквозь зубы. – Пусть я погорячился, но стрелять в животное, которое не может ответить охотнику тем же, – жестоко! Это все равно что стрелять в красоту и правду! Пусть я не охотник, пусть излишне впечатлителен, главное – чтобы я не остался равнодушным! Охотники, черт бы их подрал!.. Не исчезло, выходит, это племя узаконенных убийц, несмотря на исчезновение ГОСТов на охоту и «забой бычков молочных и свиней». Не перестало тешить себя стрельбой по беззащитным тварям, щекотать нервы мнимой опасностью и приятным риском... словно никогда не было страшных столетий войн и бессмысленного уничтожения тысяч исчезнувших видов зверей, словно память человечества коротка и не тревожит совесть, когда первые охотники выходят в леса вновь открываемых планет...»

Филипп так задумался, что едва не пролетел мимо светлого вокзала транспортного узла на окраине Вологды. Очнувшись, дал себе слово разыскать в ВКС ведомство по восстановлению экологических ресурсов и узнать там цену охоте. «Кто знает, может быть, я все же перебарщиваю, – подумал он. – Прав этот белобрысый Клитгорд, никто не давал мне полномочий судьи, и первый порыв далеко не всегда правилен. И еще он прав в том, что я слишком возбужден. Это не единственный, но самый крупный мой недостаток... после любви к сладкому. Тут его мнение совпадает с мнением Станислава, а ему я верю больше, чем себе. Кто бы мне сейчас помог разобраться во всем, так это Слава Томах. Куда он запропастился?..»

Глава 4 ДИЛЕММЫ

Тренировка прошла хорошо.

Филипп познакомился со всеми членами команды, хотя со многими уже встречался в играх чемпионатов Земли, правда, в качестве противника. Обнял Гладышева, обрадовавшись его улыбке, как теплому весеннему утру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.